

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW LAW JOURNAL

2025 № 4

ISSN 2949-5091 (print)

2025 / № 4

ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Moscow Juridical Journal” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print)

2025 / № 4

ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Петручак Л. А. – д-р юрид. наук, проф., Государственный университет просвещения; советник ректората, первый проректор – проректор по образовательной деятельности, Московский государственный лингвистический университет; Академик РАЕН

Заместитель главного редактора:

Ермаков Д. Н. – д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин М. Ю. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет;

Голубцов В. Г. – д-р юрид. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Емелина Л. А. – канд. юрид. наук, доцент, РАНХиГС (Президентская академия);

Иванчин А. В. – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;

Клебанов Л. Р. – д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Крохина Ю. А. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Лаптева Л. Е. – д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Лукьянова Е. Г. – д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Образцов А. В. – канд. юрид. наук, доцент, Государственный университет просвещения;

Павликов С. Г. – д-р юрид. наук, проф., Российская государственная академия интеллектуальной собственности;

Пастухова Н. Б. – д-р юрид. наук, доцент, Российский центр научной информации;

Петрянин А. В. – д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации;

Ручкина Г. Ф. – д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;

Савина В. С. – д-р юрид. наук, проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Цинделиани И. А. – канд. юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия;

Чепунов О. И. – д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» – печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юрисконсультам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 – 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках “eLibrary” (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. – 2025. – № 4. – 88 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal"
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

L. A. Petruchak – Dr. Sci. (Law), Prof., Federal State University of Education; Advisor to the Rector's Office, First Vice-Rector-Vice-Rector for Educational Activities, Moscow State Linguistic University; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Deputy editor-in-chief:

D. N. Ermakov – Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

M. Yu. Voronin – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. G. Golubtsov – Dr. Sci. (Law), Prof., Perm State National Research University;

L. A. Emelina – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Ivanchin – Dr. Sci. (Law), Prof., P. G. Demidov Yaroslavl State University;

L. R. Klebanov – Dr. Sci. (Law), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Yu. A. Krokhnina – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. E. Lapteva – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

E. G. Lukyanova – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Obratsov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education

S. G. Pavlikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State Academy of Intellectual Property;

N. B. Pastukhova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian Center for Science Information;

A. V. Petryanin – Dr. Sci. (Law), Prof., Investigative Committee of Russia;

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;

V. S. Savina – Dr. Sci. (Law), Prof., Plekhanov Russian University of Economics;

I. A. Tsindelian – Cand. Sci. (Law), Prof., Assoc. Prof., Russian State University of Justice;

O. I. Chepunov – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, post-graduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. – 2025. – No. 4. – 88 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Назаренко Н. И., Назаренко Б. А. История политических и правовых учений: особенности предмета и методологии исследований. 6

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Коданева С. И. Цифровой суверенитет как новая правовая концепция. 14

Кузьменкова Т. Н. Специфика правового сопровождения обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних 29

Шигапова Г. М. Земельные правоотношения в предмете конституционного права. 41

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Максуров А. А. Согласие на отчуждение доли третьим лицам как преимущественное право. 49

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Барбачакова Ю. Ю. Методы современных трасологических исследований 64

Идрисов Р. М. Уголовная ответственность родителей детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. . . . 73

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

N. Nazarenko, B. Nazarenko. History of Political and Legal Doctrines: Features of the Subject and Research Methodology 6

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

S. Kodaneva. Digital Sovereignty as a New Legal Concept 14

T. Kuzmenkova. Specific Features of Legal Support for Ensuring Information Security for Minors. 29

G. Shigapova. Land Relations as a Part of Constitutional Law. 41

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

A. Maksurov. Consent to Alienation of a Share to Third Parties as a Preferential Right 49

CRIMINAL LAW SCIENCES

Yu. Barbachakova. Modern Methods of Trace Evidence Research 64

R. Idrisov. Criminal Liability of Parents Whose Children under the Age of Fourteen Committed Serious and Particularly Serious Crimes. 73

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 346.16

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-4-6-13

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Назаренко Н. И.^{1*}, Назаренко Б. А.^{2,3}

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Московский международный университет, г. Москва, Российская Федерация

³Академия труда и социальных отношений, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: n-nazarenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.08.2025

После доработки 24.09.2025

Принята к публикации 06.10.2025

Аннотация

Цель. Выявление специфических особенностей предмета и методологии истории политических и правовых учений как юридической науки и учебной дисциплины теоретико-исторического цикла.

Процедуры и методы. В статье используются метод анализа предмета истории политических и правовых учений (её структурных компонентов) и подходов к изучению политико-правовых учений и идеологий, а также метод их сравнительного исследования.

Результаты. Представлены авторское видение предмета истории политических и правовых учений, а также описание особенностей фундаментальных подходов к изучению политико-правовых учений и идеологий, составляющих методологию указанной юридической науки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Авторы приходят к выводу, что целостную картину развития политико-правовой мысли России и зарубежных государств невозможно представить без комплексного использования материалистического, идеалистического, метафизического, диалектического, исторического (конкретно-исторического) и релятивистского подходов к изучению политико-правовых доктрин и идеологий, составляющих предмет истории политических и правовых учений.

Ключевые слова: государство, право, доктрина, история политических и правовых учений, история учений о праве и государстве, идеология, методология юридической науки

Для цитирования:

Назаренко Н. И., Назаренко Б. А. История политических и правовых учений: особенности предмета и методологии исследований // Московский юридический журнал. 2025. № 4. С. 6–13. 2025. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-6-13>.

Original research article

HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES: FEATURES OF THE SUBJECT AND RESEARCH METHODOLOGY

N. Nazarenko^{1*}, B. Nazarenko^{2,3}

¹*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation*

²*Moscow International University, Moscow, Russian Federation*

³*Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russian Federation*

*Corresponding author; e-mail: n-nazarenko@yandex.ru

Received by the editorial office 28.08.2025

Revised by the author 24.09.2025

Accepted for publication 06.10.2025

Abstract

Aim. To identify specific features of the subject and methodology of the history of political and legal doctrines as legal science and an academic discipline of the theoretical and historical cycle.

Methodology. The article uses the method of analyzing the subject of the history of political and legal doctrines (its structural components) and approaches the study of political and legal doctrines and ideologies, as well as the method of their comparative study.

Results. The article presents the author's vision of the subject of the history of political and legal doctrines, as well as a description of the features of fundamental approaches to the study of political and legal doctrines and ideologies that constitute the methodology of this legal science.

Research implications. It is concluded that it is impossible to recreate a complete picture of the development of political and legal thought in Russia and foreign countries without the integrated use of materialistic, idealistic, metaphysical, dialectical, historical (concrete-historical) and relativistic approaches to the study of political and legal doctrines and ideologies that constitute the subject of the history of political and legal teachings.

Keywords: state, law, doctrine, History of Political and Legal Thought, ideology, methodology of legal science

For citation:

Nazarenko, N. I. & Nazarenko, B. A. (2025). History of Political and Legal Doctrines: Features of the Subject and Research Methodology. In: *Moscow Juridical Journal*, 4, pp. 6–13. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-6-13>.

Введение

История политических и правовых учений, будучи научной и учебной дисциплиной, целно сочетает в себе исторические и теоретические подходы к осмыслению своего предмета. В этой связи ей близки методология и функции таких юридических наук теоретико-исторического цикла, как история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, теория государства и права (общая теория государства и права).

Однако предмет и методология истории политических и правовых учений имеют

свои особенности, учёт и соблюдение которых позволит сохранить объективность при изучении и исследовании политико-правовых доктрин и идеологий, проследить преемственность в развитии политико-правовой мысли, понять противоречивость и схожесть взглядов на государство и право авторов политико-правовых концепций.

Предмет истории политических и правовых учений

Предметом истории политических и правовых учений выступают вопросы становления и развития, структура и содер-

жание политико-правовых идеологий, политических и правовых доктрин, а также их взаимосвязь и взаимовлияние. Однако необходимо определить такие понятия как «идеология» и «доктрина».

В современном философском словаре указано, что *идеология* в широком смысле – это «...система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности»¹. В научной литературе существует различное понимание термина «идеология». Идеология может рассматриваться как «...наука об идеях, которая изучает их происхождение и закономерности проявления в практике развития общества...», понятие, «...обозначающее социально-политическую направленность...» [1, с. 9] и т. д. Эти подходы к пониманию идеологии могут быть использованы и при изучении политико-правовых идеологий, а также раскрытию их сущности, т. к. независимо от времени их возникновения и ценностного содержания они предусматривают реформирование общества согласно взглядам их авторов.

Доктрина (от лат. *docere* – учить, *doctrina* – учение) – «...авторитетное учение; совокупность принципов; система теоретических положений о какой-либо области явлений; система воззрений какого-либо учёного или мыслителя»². Доктрину возможно рассматривать в 3 аспектах: *концептуальном* (как системе принципов и идей правопонимания, правотворческой и правореализационной деятельности в границах той или иной национальной правовой системы или правовой семьи (романо-германской, англосаксонской и т. д.)); *аутентичном* (как совокупность представлений, идей

юристов и политиков, которые имеют рекомендательный характер, но зачастую выступают в качестве неофициальных источников права в ходе правотворчества) и *документальном* (как правовой акт (государственную стратегическую программу), определяющий фундаментальные направления, цели и задачи правового регулирования общественных отношений в определённой сфере и содержащий прогнозы предполагаемых результатов проводимой правовой реформы) [2, с. 20, 21].

Следует также отметить, что предметом истории политических и правовых учений являются не только проблемы становления и развития, структура и содержание правовых идеологий и правовых доктрин, но и идеологий и доктрин, завязанных на политике. Политические явления сопряжены с государственной властью, а «политическая деятельность – это деятельность в связи, по поводу или через посредство государства» [3, с. 17].

К особенностям предмета научной и учебной дисциплины история политических и правовых учений следует отнести:

– *связь с теоретической частью правового и политического сознания*, выраженной в виде концептуально-оформленных (выстроенных в систему) идей и воззрений на государство и право мыслителей, правоведов, государственных деятелей, экономистов, социологов и т. д. различных эпох;

– *преемственность в развитии политико-правовых доктрин*, объяснение их связи с исторической действительностью, в которую жили создатели учений о праве и государстве, творцы политико-правовой идеологии;

– *теоретическое (концептуальное) освоение государственно-правовых явлений* (сущности права как нормативного регулятора общественных отношений, потенциала права в разрешении социальных конфликтов, юридического образования, форм правления и т. д.) в работах представителей политико-правовой мысли;

– *изучение идей о государстве и праве*, отражённых в трудах не только лиц, имевших сугубо юридическое образование, за-

¹ ИДЕОЛОГИЯ // Современный философский словарь: [сайт]. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/137/ideologiya.htm> (дата обращения: 25.08.2025).

² ДОКТРИНА // Современный философский словарь: [сайт]. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/108/doktrina.htm> (дата обращения: 06.08.2025).

нимавших должности в государственном аппарате в различные исторические периоды, но и философов, экономистов, социологов, богословов и т. д. (например, в трудах И. Канта, Ф. Ницше, Ф. Энгельса, П. А. Сорокина, Н. Бердяева и др.) [4, с. 4].

Политические и правовые учения – это не только значимые для юридической науки идеи, продуцируемые величайшими мыслителями прошлого, но и, одновременно, форма *мировоззрения* (т. к. позволяет обучающемуся сформировать свои представления о правовых и государственных явлениях); *общественного сознания* (в связи с тем, что политико-правовые доктрины имеют тесную связь, в первую очередь, с моральными и религиозными нормами, а также влияют на формирование отношения социума (его части) к современным политическим решениям, деятельности чиновников, принимаемым нормативным правовым актам и т. д.); *политического и правового сознания*¹ (что предопределено особенностями предмета рассматриваемой научной и учебной дисциплины); *политической и правовой культуры* (т. к. содержание политико-правовых доктрин свидетельствует о степени понимания и объяснения, а также оценки их авторами институтов государства и права, механизма правового регулирования соответствующих географического региона и эпохи, основных прав и свобод человека и т. д.).

Методология исследования и методы изучения истории политических и правовых учений

Метод (от греч. *methodos*) – это комплекс принципов, приёмов и правил, а также требований, которыми следует руководствоваться в ходе познавательной деятельности [5, с. 14]. Под *методологией* понимается «...система определённых спо-

собов и приёмов, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, политике, искусстве и т. п.); учение об этой системе, общая теория метода...» [7, с. 118].

В арсенале методов истории политических и правовых учений присутствуют как общенаучные (анализ, синтез, аналогия и т. д.), так присущие только этой дисциплине способы и приёмы познания:

- *хронологический* (изучение политико-правовых доктрин предусматривает анализ социально-экономических и политических процессов, сложившихся в регионе проживания их авторов, в соответствующую эпоху активной мыслительной и творческой деятельности их создателей);

- *портретный* (конкретное политико-правовое учение рассматривается в контексте условий и обстоятельств жизни их творца);

- *страноведческий* (содержание учений о праве и государстве в значительной мере предопределено культурными, экономическими и политическими особенностями страны, в которой они создавались);

- *ценностный* (аксиологический) (изучение политико-правовых доктрин и идеологий всегда предполагает их оценку с позиций достижений современной юридической науки и практики (естественных (неотъемлемых) прав и свобод человека, теоретических положений о демократическом политическом режиме и т. д.)) [3, с. 24; 8, с. 32].

Можно назвать следующие всеобщие методы (табл. 1), которые используются в изучении политических и правовых учений, политико-правовой идеологии.

Материалистический метод предполагает рассмотрение идей о государстве и праве в их развитии, а также в зависимости от обстоятельств человеческого бытия (в первую очередь, от уровня развития производственных отношений (экономического базиса) и правового, а также социального статуса классов)). Согласно учению марксизма, производительные силы предопределяют контуры общественной

¹ Под правовым сознанием понимается «...одна из форм общественного сознания, органично входящая в правовую систему общества и представляющая собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций и установок людей в отношении всей юридической действительности» [6, с. 336].

Таблица 1 / Table 1

Краткая характеристика всеобщих методов дисциплины истории политических и правовых учений / A brief description of the general methods of the history of political and legal teachings discipline

Метод	Краткая характеристика
Материалистический	Идеи о государстве и праве необходимо рассматривать в их развитии, а также в зависимости от обстоятельств человеческого бытия
Идеалистический	Источник возникновения и формирования политико-правовых идей и политико-правовой идеологии находится за границей материальных условий жизни социума
Метафизический	Идеи о государственно-правовой действительности неизменны
Диалектический	Политико-правовые идеи следует рассматривать в их развитии (например, согласно закону отрицания отрицания (одни идеи, приходя на смену другим (отжившим), отрицают их (вбирая в себя какие-то их компоненты), а потом уступают место новым (прогрессивным, актуальным) идеям))
Исторический	Идеи о государстве, праве и принимаемых политических решениях целесообразно исследовать в историческом контексте
Релятивистский	Всякое учение о праве и государстве, любая государственно-правовая идеология относительны

Источник: составлено авторами.

экономической формации¹. К. Маркс и Ф. Энгельс «...доказали первичность материальных, прежде всего экономических, процессов производства и обмена по отношению к другим институтам, включая право и государство» [9, с. 134].

Однако нельзя отрицать возможность влияния политико-правовой идеологии на все сферы жизни общества, в т. ч. и на экономику. Так, например, автономные и самобытные идеи эпохи Возрождения во многом определили облик государственно-правовых институтов того периода времени, а прогрессивные идеи раннего христианства – вдохновили народные массы на борьбу против гнёта экономически господствующего класса (светских и духовных феодалов). Так, христианство предписывало повиноваться правителю (королю, царю и т. д.), но если это «...пове-

ление противоречит вере, то оно не связывает христиан никакими обязательствами. Христианская идеология позволяла оправдывать тиранубийство» [11, с. 210].

Идеалистический метод направлен на поиск источника возникновения и формирования политико-правовых идей и политико-правовой идеологии за границей материальных условий жизни социума. При этом различают субъективный идеализм (воззрения на государство и право рождаются в сознании и подсознании человека) и объективный идеализм (государственно-правовые идеи существуют объективно, до рождения человека, они могут быть установлены высшими силами). Так, с т. зр. немецкого философа Ф. Ницше, представителя субъективного идеализма, сознание и воля способны осуществить коренные изменения в социуме, и они не обусловлены процессами объективного характера. Платон, античный философ и родоначальник объективного идеализма, противопоставлял мир идей (эйдосов) (общих понятий, имеющих конституирующее

¹ Существует 4 типа общественно-экономических формаций «...отличающихся друг от друга формой собственности, классовой структурой и в конечном счёте способом производства...»: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая [10, с. 92].

значение) явлениям и предметам, воспринимаемых через чувства и ощущения.

Государственно-правовые представления в рамках объективного идеализма – это зачастую результат божественной веры человека, а государственно-правовые и политико-правовые учения приверженцев субъективного идеализма – нередко возникали задолго до их претворения в жизнь и, в конечном итоге, явились основой реформирования государственных и правовых институтов. Однако следует признать, что материальные, экономические и политические условия функционирования общества являются преобладающими в процессе генерации идей о государстве, праве и политики.

Согласно *метафизическому подходу* к пониманию государственно-правовой действительности, идеи о ней неизменны. К примеру, И. Кант обосновывал сущность права на основе категорического императива (априорного нравственного закона), который не подвержен влиянию обстоятельств внешнего характера (признаётся безусловным).

В современное время указанный способ объяснения явлений и процессов, происходящих в государственно-правовой жизни, утратил своё научное и практическое значение. Вместе с тем ряд выработанных ещё в прошлом теоретических положений сохраняет актуальность и по сей день (например, представления о естественных (неотъемлемых) правах человека).

Диалектический метод, в противоположность метафизическому подходу, предполагает рассмотрение политико-правовых идей в их развитии, которое подчиняется действию закона отрицания отрицания (одни идеи, приходя на смену другим (отжившим), отрицают их (вбирая в себя какие-то их компоненты), а потом уступают место новым (прогрессивным, актуальным) идеям).

Кроме того, в соответствии с законами диалектики внутренним источником развития любого явления (в т. ч. политической идеологии, представлений отдельных мыслителей о государстве и праве) высту-

пает борьба противоположностей (смысловых противоречий при объяснении одного и того же феномена государственной или правовой жизни, которые непременно возникают при сравнении политико-правовых доктрин различных исторических периодов (Древнего мира, Средневековья, Нового и Новейшего времени)). Тем не менее, идеи о государстве и праве развиваются в их взаимосвязи, а их содержание, как уже было указано выше, формируется под воздействием различных факторов (экономических, политических, культурных, исторических и т. д.).

Идеи о государстве, праве и принимаемых политических решениях следует всегда рассматривать *в историческом контексте*. Так, например, передовые идеи в эпоху буржуазных революций высказывались представителями естественно-правовой школы, а идеологи марксизма выступали с конструктивной критикой пороков капиталистического устройства общества.

Следует также отметить, что конкретно-исторический метод ориентирует исследователя на установление верного содержания понятий и терминов, которые употребляются в трудах различных авторов, занимающихся объяснением происхождения, устройства и назначения государства, сущности права и т. д. К примеру, монархия как форма правления по-разному понимается в трудах республиканца Ж.-Ж. Руссо и сторонника королевской власти Ж.Бодена.

Согласно этому *релятивистскому подходу* всякое учение о праве и государстве, любая государственно-правовая идеология относительны. К примеру, Г. Кельзен поддерживал идеи т. н. метаэтического релятивизма. Он полагал, что обоснование нравственности невозможно в рамках каких-либо моральных оценок и ориентиров (по этой причине критике подвергалась теория естественного права).

Релятивисты утверждают, что не существует истинных, правильных, отвечающих любым вызовам времени и любой логике исторических событий воззрений на государство и право. В этой связи следует

отметить, что к изменчивому миру человек с юридическим образованием, выбравший путь юриста, может успешно адаптироваться, только если будет сохранять критический взгляд на государственно-правовую действительность [3, с. 25–34].

Соотношение специальных методов со всеобщими методами подлежит отдельному исследованию. Однако установление закономерных связей между ними затруднительно. К примеру, К. Маркс и Ф. Энгельс (материализм) и Ф. Ницше (субъективный идеализм) проживали в один период времени (XIX в.) и на одной территории (Германия), но являлись представителями разнонаправленных взглядов на государство и право.

Заключение

История политических и правовых учений входит в цикл теоретико-истори-

ческих юридических наук и учебных дисциплин, её предметом являются проблемы становления и развития, структура и содержание политико-правовых идеологий, политических и правовых доктрин (их взаимосвязь), а в качестве базовых подходов к изучению политических и правовых учений, политико-правовой идеологии можно назвать: материалистический, идеалистический, метафизический, диалектический, исторический (конкретно-исторический) и релятивистский. Анализ содержания и тем более глубокое исследование отдельных политико-правовых доктрин и идеологий, вошедших в кладезь политико-правовой мысли, невозможно без понимания специфических особенностей методологического арсенала и предмета «Истории политических и правовых учений».

ЛИТЕРАТУРА

1. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2001. 432 с.
2. Бичехвост А. Ф. Политические представления в раннем христианстве // Вестник СГЮА. 2016. № 5. С. 206–210.
3. Едронова В. Н., Овчаров А. О. Методы, методология и логика научных исследований // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 9. С. 14–23.
4. История политических и правовых учений: учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. М: Высшее образование, 2008. 917 с.
5. Дьячкова Н. Н., Доля В. Е. История политических и правовых учений: учеб. пос.. М.: Академический Проект, 2003. 368 с.
6. Кохановский В. П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки: учеб. пособие. Ростов н/Д: ИЦ «МарТ», 2006. 496 с.
7. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М: Проспект, 2014. 568 с.
8. Корнев А. В. Методологические основания изучения истории политических и правовых учений // Lex Russica. 2022. № 5. С. 127–136. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.127-136
9. Корнев А. В. Базовые методы истории политических и правовых учений и возможная трансформация объекта юридической науки // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 4. С. 26–40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.026-040
10. Дайнеко И. В., Мухин М. А. Термин «идеология» и его употребление: история и современность // Вестник науки и творчества. 2020. № 9. С. 5–11.
11. Ромашов Р. А. Правовые доктрины и доктринальные правовые акты // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 10. С. 19–24.

REFERENCES

1. Cherdantsev, A. F. (2001). *Theory of State and Law: Textbook for Higher Education Institutions*. Moscow: Yurayt-M publ. (in Russ.).
2. Bichekhvost, A. F. (2016). Political Ideas in Early Christianity. In: *Saratov State Law Academy Bulletin*, 5, 206–210 (in Russ.).
3. Edronova, V. N. & Ovcharov, A. O. (2013). Methods, Methodology, and Logic of Scientific Research. In: *Economic Analysis: Theory and Practice*, 9, 14–23 (in Russ.).

4. Lazarev, V. V., ed. (2008). *History of Political and Legal Thought*. Moscow: Vyssheye obrazovaniye publ. (in Russ.).
5. Dyachkova, N. N. & Dolya, V. E. (2003). *History of Political and Legal Thought*. Moscow: Academic Project publ. (in Russ.).
6. Kokhanovsky, V. P., Przhilensky, V. I. & Sergodeyeva, E. A. (2006). *Philosophy of Science*. Rostov-on-Don: MarT publ. (in Russ.).
7. Radko, T. N., Lazarev, V. V. & Morozova, L. A. (2014). *Theory of State and Law*. Moscow: Prospekt publ. (in Russ.).
8. Kornev, A. V. (2022). Methodological Foundations of Studying the History of Political and Legal Doctrines. In: *Lex Russica*, 5, 127–136. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.127-136 (in Russ.).
9. Kornev, A. V. (2023). Basic Methods of the History of Political and Legal Doctrines and the Possible Transformation of the Object of Legal Science. In: *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 4, 26–40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.026-040 (in Russ.).
10. Daineko, I. V. & Mukhin, M. A. (2020). The Term “Ideology” and Its Use: History and Modernity. In: *Bulletin of Science and Creativity*, 9, 5–11 (in Russ.).
11. Romashov, R. A. (2015). Legal Doctrines and Doctrinal Legal Acts. In: *Legal Science: History and Modernity*, 10, 19–24 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Назаренко Наталья Ивановна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: n-nazarenko@yandex.ru

Назаренко Богдан Анатольевич (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Московского международного университета, доцент кафедры теории, истории государства и права Академии труда и социальных отношений;
e-mail: b-nazarenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya I. Nazarenko (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;
e-mail: n-nazarenko@yandex.ru

Bogdan A. Nazarenko (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Jurisprudence, Moscow International University, Department of Theory, History of State and Law, Academy of Labor and Social Relations;
e-mail: b-nazarenko@yandex.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.2
DOI: 10.18384/2949-513X-2025-4-14-28

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК НОВАЯ ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Коданева С. И.

*Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: kodanevas@gmail.com*

*Поступила в редакцию 18.09.2025
После доработки 12.10.2025
Принята к публикации 25.10.2025*

Аннотация

Цель. Анализ подходов к определению цифрового суверенитета и выработка концепции цифрового суверенитета.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал сравнительно-правовой анализ. Проведён контекст-анализ научных публикаций и законодательства различных стран. Применены методы классификации и синтеза для выявления общих и специфических элементов цифрового суверенитета.

Результаты. Доказано, что качественным отличием цифрового суверенитета от традиционного государственного суверенитета являются суверенные права (способность контролировать) над данными. Исходя из этого сделан вывод, что многообразие национальных подходов к концептуализации и правовому регулированию цифрового суверенитета являются не более чем различиями в методах государственного управления, присущих этим странам. На основе этого сформулировано определение цифрового суверенитета.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыта сущность цифрового суверенитета как способности управлять данными и сделанном из этого выводе, что существующие в настоящее время противоречия между национальными подходами к пониманию цифрового суверенитета могут быть разрешены путём выработки единых, согласованных подходов к международно-правовому регулированию в данной области.

Ключевые слова: Вестфальская система, государственная юрисдикция, киберпространство, технологическая независимость, управление данными, цифровая автономия

Для цитирования:

Коданева С. И. Цифровой суверенитет как новая правовая концепция // Московский юридический журнал. 2025. № 4. С. 14–28. 2025. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-14-28>.

Original research article

DIGITAL SOVEREIGNTY AS A NEW LEGAL CONCEPT

S. Kodaneva

*Institute of Scientific Information for Social Sciences (INIION) of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

e-mail: kodanevas@gmail.com

Received by the editorial office 18.09.2025

Revised by the author 12.10.2025

Accepted for publication 25.10.2025

Abstract

Aim. To analyse approaches to the define digital sovereignty and the development of the digital sovereignty concept.

Methodology. Comparative legal analysis was a key research method In the study. The context analysis of scientific publications and legislation of various countries was carried out. Classification and synthesis methods were applied to identify common and specific elements of digital sovereignty.

Results. It is proved that the qualitative difference between digital sovereignty and traditional state sovereignty is sovereign rights (the ability to control) over data. Based on this, it is concluded that the diversity of national approaches to the conceptualization and legal regulation of digital sovereignty are nothing more than differences in the methods of public administration inherent in these countries. Based on this, the definition of digital sovereignty is formulated.

Research implications. It consists in revealing the essence of digital sovereignty as the ability to manage data and the conclusion drawn from this that the current contradictions between national approaches to understanding digital sovereignty can be resolved by developing unified, coordinated approaches to international legal regulation in this area.

Keywords: Westphalian system, state jurisdiction, cyberspace, technological independence, data management, digital autonomy

For citation:

Kodaneva, S. I. (2025). Digital Sovereignty as a New Legal Concept. In: *Moscow Juridical Journal*, 4, pp. 14–28. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-14-28>.

Введение

Ещё совсем недавно интернет рассматривался как безграничное глобальное пространство, свободное от государственного вмешательства. Этот взгляд получил широкое распространение благодаря «Декларации независимости киберпространства» Д. П. Барлоу, опубликованной им в 1996 г. При этом такие державы, как США, последовательно отстаивали позицию, согласно которой интернет является общим достоянием, таким же как космос или Мировой океан, а потому в цифровом пространстве невозможен никакой государственный суверенитет. Однако

сегодня очевидно, что подобные взгляды были утопией. Теперь государства стремятся утвердить свою власть в этом пространстве, что порождает доктринальные споры о природе цифрового суверенитета, его соотношении с традиционным суверенитетом, основанным на философских трудах Ж. Бодена, воплотившихся в Вестфальском мире (1648), а также о его содержании и возможности правового закрепления.

В настоящей статье предпринята попытка сравнительного анализа существующих подходов к пониманию цифрового суверенитета и его концептуализации.

Концептуальные подходы к пониманию сущности цифрового суверенитета

Если обратиться к истории, то можно видеть, что вопрос о возможности регулирования интернета прошёл в своём развитии 3 этапа:

1) *ранний этап*, ориентированный на интеграцию рынка и глобальную гармонизацию регулирования с целью создания возможностей для трансграничной торговли и общения (1970–80-е гг.);

2) *период децентрализации и сетевого управления*, когда интернет рассматривался как освобождающая, не имеющая границ сила, подрывающая государственный суверенитет и расширяющая возможности отдельных лиц и гражданского общества (1990-е – 2000-е гг.);

3) восстановление централизации власти, формирование платформенного капитализма (2010-е гг. – н. в.).

Концентрация власти на мегаплатформах, рост цифрового авторитаризма и превращение технологических цепочек поставок в геополитическое оружие вновь заставили задуматься о вопросах национального суверенитета. Государство становится центральным действующим лицом, а его суверенитет рассматривается уже не как отмирающий пережиток, но как ответ на современные вызовы.

Анализ концепции цифрового суверенитета следует начинать с определения его соотношения с принципами традиционного суверенитета государства, сформулированными в Вестфальском мирном договоре – территориальной целостности государства и верховенства его власти на своей территории, невмешательства во внутренние дела других государств и суверенного равенства государств. Если переносить эти принципы на киберпространство, то сразу возникают разногласия относительно их применимости, поскольку оно по своей сути нетерриториально, характеризуется транснациональными потоками данных, распределённой инфраструктурой и значительной ролью негосу-

дарственных субъектов, в частности глобальных технологических корпораций [1].

Так, правоведы-конституционалисты полагают, что Вестфальская модель по-прежнему является незыблемой фундаментальной основой суверенитета в цифровой среде. Разница заключается только в категоричности данной позиции. Крайние её сторонники полагают, что государственный суверенитет – это качественный, неделимый и неотъемлемый атрибут государства, проводя тем самым различие между суверенитетом и суверенными правами, которые могут быть ограниченными, разделены или переданы по договору. Государство же либо суверенно, либо нет. Следовательно, само по себе понятие цифрового суверенитета является нонсенсом, как и прочие «виды» суверенитета – экономический, идеологический и т. п. [2].

Менее радикальная позиция сводится к тезису о том, что цифровой суверенитет возник как продолжение традиционного вестфальского суверенитета и его интерпретация и реализация в основном определяются геополитической конкуренцией, национальными интересами и различными политическими моделями. Данная позиция основана на том факте, что суверенитет никогда не был статичным, он динамично расширялся на море и в атмосфере. Следовательно, цифровая сфера – это не более чем новое, хотя и самое сложное для определения пространство для расширения государственного суверенитета [3].

В свою очередь политологи обращают внимание на то, что суверенитет имеет двойственную природу. С одной стороны, это состояние бытия – онтологическая характеристика государства, его право на внутреннюю автономию и самостоятельность во внешней политике (суверенитет де-юре). С другой стороны, это способность указанное право реализовать на практике (суверенитет де-факто), которая в настоящее время активно оспаривается, подвергается риску и должна защищаться с помощью конкретной политики, технологий и международного взаимодействия,

поскольку очевидно, что отсутствие второй составляющей делает первую бессмысленной декларацией [4]. Взгляды авторов, опирающихся на данный тезис, заметно отличаются от правоведов-конституционалистов, предлагая широкий спектр подходов к определению цифрового суверенитета, начиная от полного отказа от Вестфальской модели и заканчивая призывами к её переосмыслению.

Так, например, утверждается, что в современном мире существует множество акторов, которые претендуют на суверенитет и, следовательно, можно говорить о множественном суверенитете, включающем помимо государственного цифрового суверенитета наднациональный цифровой суверенитет (например, суверенитет на уровне ЕС), сетевой цифровой суверенитет, цифровой суверенитет коренных народов и общин, корпоративный цифровой суверенитет (платформ), личный цифровой суверенитет (суверенитет человека в киберпространстве, в частности, контроль за использованием своих персональных данных), постколониальный цифровой суверенитет (сопротивление цифровому империализму) [5]. При этом, например, в Германии в дискуссиях присутствует акцент на «цифровом суверенитете на индивидуальном уровне», который заключается в создании с помощью образования «субъектов, обладающих цифровой суверенностью». Таким образом, национальная конкурентоспособность и безопасность напрямую связана с компетенциями граждан, а суверенитет рассматривается как концепция, формируемая снизу вверх, а не навязанная сверху вниз [6].

Некоторые авторы полагают, что цифровой суверенитет как единая концепция вообще не существует, но следует говорить о широком спектре цифровых суверенитетов, развивающихся по-разному в зависимости от положения страны в глобальной иерархии, её колониальной истории и внутренней политики и экономики. Соответственно, цифровой суверенитет – это многомерное явление, включающее помимо юридического и властного контроля

над территорией технический потенциал, экономическую самодостаточность и культурную автономию [7].

Как можно видеть, данный подход основан на признании невозможности для некоторых стран (преимущественно бывших колоний) реализовать цифровой суверенитет де-факто в силу технологической зависимости от стран Запада, которая трактуется как цифровой неоколониализм.

Однако большинство авторов всё же обращают внимание на чисто технический аспект – сложность цифровой среды, которая является многослойной и включает в себя физическую инфраструктуру, технические стандарты, программы (алгоритмы), включая платформы, и размещаемый на них или с их помощью контент. Эти слои могут контролироваться различными субъектами, что создаёт проблемы юрисдикции: пакет данных из ЕС, передаваемый по подводному кабелю, принадлежащему американской компании, обрабатывается в индийском дата-центре с помощью платформы, принадлежащей Китаю. Соответственно, формируется сложная топология взаимопроникающих суверенных претензий различных государств и негосударственных субъектов (прежде всего, транснациональных корпораций), которые накладываются друг на друга и переплетаются.

В этой топологии Вестфальская модель, как полагают авторы, неприменима, поскольку суверенитет заключается не в территориальной юрисдикции или стратегической автономии по отношению к другим государствам, а во владении или, по крайней мере, способности контролировать физическую инфраструктуру и методы обработки данных. Иными словами, суверенитет понимается как «право на культурное и политическое самоопределение» в цифровой сфере [8]. Развивая эту мысль, можно сказать, что государство – это уже не просто физическая территория, но политическая концепция, объединившая эту территорию с правовой юрисдикцией над ней и национальной идентичностью. И если для Вестфальской модели ключевым

элементом являются физические границы между государствами, то цифровые границы – это не стены или заборы, а механизмы фильтрации для управления потоком данных, капитала и информации, позволяющие циркулировать в информационном пространстве тому, что рассматривается как юридически дозволенное и блокирующее запрещённый контент или деятельность. При этом цифровые границы включают когнитивную составляющую, когда сами пользователи делят интернет-ресурсы на «свои» и «чужие». Например, китайские пользователи проводят различие между «нейвангом» (внутренней сетью) и «вайвангом» (внешней сетью). Это не просто результат государственной цензуры, но «активная, символическая практика установления границ», осуществляемая самими пользователями, формирующая их поведение, речь и чувство общности [9]. Иными словами, по мнению сторонников данного подхода, «государственная граница» в эпоху цифровых технологий – это не фиксированная линия, а размытый, многовариантный набор практик.

Государства стремятся выстраивать цифровые границы с помощью законов и инфраструктуры, корпорации влияют на (либо подстраиваются под) государственные границы с помощью условий предоставления услуг и маршрутизации данных, а граждане сами формируют эти границы в своём сознании с помощью повседневных цифровых привычек, страхов и практик.

Сравнительный анализ национальных подходов к цифровому суверенитету

Китай

Подход Китая представляет собой наиболее всеобъемлющую и институционализированную модель государственного контроля над киберпространством в мире. Китайская цифровая инфраструктура изначально создавалась внутри страны и принадлежала ей [10], благодаря «национальному социо-техническому воображению» и политике, основанной на идее государственного суверенитета в кибер-

пространстве как основы политической стабильности и национального возрождения [11]. Правовое отражение эта позиция нашла в белой книге Государственного совета 2010 г. «Интернет в Китае» (согласно которой на территории Китая интернет находится под юрисдикцией суверенитета Китая; сетевой суверенитет Китая должен уважаться и защищаться), а также в ряде законов:

– Закон о кибербезопасности 2016¹ (*The Cybersecurity Law of the People's Republic of China* – 中华人民共和国网络安全法), который закрепил термин «сетевой суверенитет», установив всеобъемлющий государственный контроль над сетевыми операциями и данными);

– Закон о защите данных 2021² (*Data Security Law of the People's Republic of China* – 中华人民共和国数据安全法), который рассматривает данные как «национальное достояние» и устанавливает систему защиты секретных данных;

– Закон о защите личной информации 2021³ (*Personal Information Protection Law of the People's Republic of China* – 中华人民共和国个人信息保护法) – китайский аналог Общего регламента по защите данных ЕС, который предоставляет гражданам страны право на конфиденциальность, однако это право в значительной степени ограничено исключениями, касающимися национальной безопасности и общественных интересов и требованием к операторам данных сотрудничать с органами общественной безопасности и ведомствами госбезопасности).

Техническую основу цифрового суверенитета Китая составляют «Великий бренд-мауэр» (фильтрация на международных

¹ The Cybersecurity Law of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: https://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 10.09.2025).

² Data Security Law of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: https://www.cac.gov.cn/2021-06/11/c_1624994566919140.htm (дата обращения: 09.09.2025).

³ Personal Information Protection Law of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: https://www.cac.gov.cn/2021-08/20/c_1631050028355286.htm (дата обращения: 09.09.2025).

шлюзах для блокирования доступа к иностранным веб-сайтам и сервисам); обязательная проверка личности для доступа в интернет и получения услуг; система социального кредитования, включающая интеграцию онлайн- и офлайн-поведения в комплексную систему социального управления, и национальная цифровая экосистема, основанная на создании местных альтернатив глобальным платформам.

Цели политической стабильности в Китае тесно переплетены с другими целями, включая национальную безопасность, технологические инновации, экономический рост и социальное развитие. Таким образом, акцент на сетевой безопасности и развитии инфраструктуры, свойственный более ранней политике Китая, затем сместился в сторону регулирования контента, а в последнее время – цифровой экономики [12]. При этом законодательство Китая, как и право ЕС, всё больше приобретает экстерриториальные характеристики, т. е. Китай стремится распространить свои правовые стандарты зарубежом посредством инициативы «Цифровой шёлковый путь», двух- и многосторонних соглашений, одновременно принимая меры для противостояния иностранным правилам, особенно в отношении данных, которые страна считает дискриминационными [13].

Россия

Российский подход к цифровому суверенитету довольно близок с китайским. Он основан на трактовке целостности государственного суверенитета как права контроля над территорией. Хотя следует признать, что на первоначальном этапе в 1990-е гг. Россия придерживалась модели свободного интернета, практически не регулируя и не контролируя данную сферу. Изменения произошли, как и в ЕС, после разоблачений Э. Сноудена, серии «цветных революций» и «Арабской весны».

Цифровой суверенитет в российской трактовке – это, прежде всего, защита традиционного государственного суверенитета в информационном пространстве от

цифровой гегемонии западных компаний и ценностей. Иными словами, в России цифровой суверенитет связан с обеспечением национальной информационной безопасности, которая понимается широко и включает в себя как традиционную кибербезопасность (т. е. защищённость критически важной инфраструктуры и персональных данных), так и собственно информационную безопасность (недопущение распространения незаконного контента).

Его концептуальную основу составляют Доктрина информационной безопасности РФ, утверждённая Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, которая определяет 4 основные сферы национальных интересов (личность, общество, государство, стратегическое сдерживание), Стратегия национальной безопасности РФ, утверждённая Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, согласно которой информационная безопасность является одним из ключевых компонентов национальной безопасности, внешние информационные кампании представлены как угроза конституционному строю России и обозначена необходимость защиты населения от деструктивных информационно-психологических воздействий.

Правовую основу обеспечения цифрового суверенитета РФ составляют:

– Федеральный закон № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях»¹ – содержит требования о нахождении на территории РФ баз персональных данных граждан РФ;

– Федеральный закон № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» // СПС Консультант Плюс.

Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»¹ – обязывает операторов связи хранить на территории РФ информацию о коммуникациях и предоставлять к ней доступ правоохранным органам;

– Федеральный закон № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»»² – направлен на защиту национального сегмента интернета от внешних угроз, предусматривает создание национальной системы маршрутизации интернет-трафика, инфраструктуры, которая позволит обеспечить работоспособность российских интернет-ресурсов в случае невозможности подключения к зарубежным корневым серверам, минимизацию передачи за рубеж данных, которыми обмениваются между собой российские пользователи, создание национальной системы доменных имён;

– Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критически важной информационной инфраструктуры»³ – создаёт систему обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ;

– Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴ – регулирует статус информации в РФ, права на её получение

и распространение, а также запрет на распространение незаконного контента и правила его удаления;

– Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных»⁵ – содержит правила защиты персональных данных, в целом аналогичные тем, что установлены в Общем регламенте по защите данных ЕС;

– Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»⁶ – содержит требования к торговым платформам, направленные на защиту прав пользователей, безопасности цифровой среды и обеспечение единства экономического пространства РФ.

Помимо этого, в стране действует значительный объём подзаконных актов, которые в совокупности образуют один из самых всеобъемлющих и комплексных подходов к регулированию цифрового суверенитета в мире. Однако на практике реализация данной модели цифрового суверенитета сталкивается с рядом сложностей, вызванных технологической зависимостью от иностранных производителей оборудования и платформ (которая в настоящее время постепенно преодолевается), широким использованием VPN и других средств обхода, ограничениями пропускной способности для эффективной фильтрации трафика. Россия пытается решить по крайней мере часть этих проблем за счёт развития отечественных ИТ-гигантов и платформ (Яндекс, ВКонтакте, Mail.ru, Rutube, Ozon, Wildberries и др.), а также взаимодействия с частным сектором.

Таким образом, российская модель цифрового суверенитета представляет собой альтернативное видение в глобальных дебатах по цифровому управлению, в рамках которого государственный контроль, безопасность и цивилизационные особенности ставятся во главу угла.

¹ Федеральный закон от 06.07.2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 01.05.2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // СПС Консультант Плюс.

³ Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критически важной информационной инфраструктуры» // СПС Консультант Плюс.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС Консультант Плюс.

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС Консультант Плюс.

⁶ Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

Европейский Союз (ЕС)

Подход ЕС к цифровому суверенитету значительно изменился со времён концепции «глобального информационного общества» 1990-х гг. Поворотный момент наступил после разоблачений Э. Сноудена в 2013 г., которые выявили уязвимости и зависимость Европы. В результате стремление ЕС к цифровому суверенитету является частью более широкой стратегии безопасности и управления, поскольку Союз стремится создавать независимые инфраструктуры и снижать зависимость от иностранных технологий [14].

Интересно, что несмотря на то, что концепция стала центральной в политических дебатах по управлению данными, регулированию платформ и кибербезопасности, целостное видение цифрового суверенитета в ЕС отсутствует [15]. Речь скорее идёт о стратегической автономии посредством регулирования и использования «Брюссельского эффекта» (способность в одностороннем порядке регулировать глобальные рынки, устанавливая стандарты, которые де-факто становятся глобальными требованиями) [16]. Достигается это как за счёт экономического веса ЕС в мире, так и за счёт развитого правового регулирования различных областей цифровой сферы, включающего Общий регламент по защите данных (*General Data Protection Regulation 2016/679, GDPR, 2016*), устанавливающий строгие стандарты защиты данных и имеющий выраженный экстерриториальный характер; Закон о цифровых услугах (*Digital Services Act, 2020*) и Закон о цифровых рынках (*Digital Markets Act, 2020*), направленные на то, чтобы сделать онлайн-среду безопасной и заслуживающей доверия, они регулируют подотчётность платформ и обеспечивают честную конкуренцию, пресекая антиконкурентную практику «платформ-привратников»; Закон об управлении данными (*Data Governance Act, 2022*), упрощающий обмен данными при сохранении контроля над ними.

Отличительной чертой подхода ЕС является его идеологическая опора на «евро-

пейские ценности», хотя точного и разделяемого даже в самой Европе определения, что именно они подразумевают, на сегодняшний день не существует.

США

Как известно, Соединённые Штаты Америки долгое время позиционировали себя (и риторически продолжают это делать) как защитника «свободы интернета», отрицая цифровой суверенитет государства как угрозу свободе слова. Фактически в основе данного подхода лежало стремление защитить интересы американских цифровых транснациональных корпораций.

Однако со временем данный подход стал меняться. Во-первых, цифровые технологии стали использоваться правительством США в качестве инструмента принуждения. Например, SWIFT во время иранского кризиса 2012 г. был использован в качестве оружия [17]. Во-вторых, фактически на своей территории США контролируют деятельность цифровых корпораций. Это пример технонационализма и функционального цифрового суверенитета¹ (или корпоративного цифрового суверенитета), реализуемого посредством не территориальных, но юрисдикционных притязаний, основанных на тесном сотрудничестве с частными транснациональными корпорациями, которым даже передаётся часть государственных функций, таких как управление контентом, контроль инфраструктуры, установление стандартов и сбор данных по запросам органов разведки.

Правовую основу для данной модели цифрового суверенитета составляет, прежде всего, Закон США об облачных технологиях (*Clarifying Lawful Overseas Use*

¹ Функциональный цифровой суверенитет – это модель государственной власти в цифровой сфере, при которой суверенитет понимается не как абсолютный, неделимый или формально-юридический атрибут государственности (классическая вестфальская модель), а как способность государства к самостоятельному и независимому принятию решений, осуществлению нормативного контроля и воздействия на определённые элементы цифровой экосистемы вне связи с территориальной юрисдикцией.

of Data Act (CLOUD Act), 2018)¹, который закрепил право органов власти США получать доступ к данным, находящимся на серверах, размещённых в других государствах, если эти сервера принадлежат американским компаниям. Помимо этого, правительство США стремится не допустить усиления своего основного конкурента – Китая – и ограничить его влияние на американское общество посредством использования цифровых информационных технологий.

Правовыми средствами решения этих задач являются Закон о защите американцев от приложений, контролируемых иностранными противниками (*Protecting Americans from Foreign Adversary Controlled Applications Act (PAFACA), 2024*²), согласно которому социальная сеть TikTok или должна быть продана американской компании, или будет заблокирована; запрет строительства Huawei сетей 5G, ограничение поставок полупроводниковых технологий в Китай посредством таможенного регулирования и т. д.

Индия

Подход Индии к цифровому суверенитету отражает её статус «Державы Юга» – крупной развивающейся экономики со значительными технологическими амбициями, которая реализует собственную версию «государственного предпринимательства», основанного на индийском национализме при цифровом государственном строительстве [18]. Изначально правительство реализовало Национальный план электронного управления, принятый в 2006 г., а начиная с 2015 г. премьер-министр Н. Моди запустил программу «Цифровая Индия», направленную на превращение Индии в

«общество с «цифровыми возможностями и экономикой знаний». Особенностью Индии является «Индийский стек» (*India Stack*), который состоит из нескольких крупномасштабных проектов в области цифровой общественной инфраструктуры для цифровой идентификации (*Aadhaar*), электронных платежей (*UPI*) и обмена данными. При этом *Aadhaar* является крупнейшей в мире биометрической базой данных (1,3 млрд жителей), позволяющей получать государственные услуги онлайн. Это особая модель цифрового суверенитета, основанная не на регулировании или контроле, а на государственной инфраструктуре [7].

Правовой основой реализацией данного подхода являются:

– Закон о защите цифровых персональных данных (*The Digital Personal Data Protection Act, 2023*³), который устанавливает стандарты защиты данных при сохранении возможности доступа к ним для государственных органов;

– Закон Индии об информационных технологиях (*Information Technology Act, 2000*⁴), который закрепил ответственность посредников и правила регулирования контента;

– Закон Индии о телекоммуникациях (*The Telecommunication Act, 2023*)⁵ – новый всеобъемлющий акт, заменяющий акты колониальной эпохи, предоставляющий правительству полномочия в области национальной безопасности (перехват, отключения), а также направленный на стимулирование отечественного производства и сокращение зависимости от зарубежных компаний.

¹ Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-15475/pdf/COMPS-15475.pdf#page=624> (дата обращения: 09.09.2025).

² Protecting Americans from Foreign Adversary Controlled Applications Act [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/7521> (дата обращения: 09.09.2025).

³ The Digital Personal Data Protection Act [Электронный ресурс]. URL: <https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/06/2bf1f0e9f04e6fb4f8fef35e82c42aa5.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Information Technology Act [Электронный ресурс]. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/13116/1/it_act_2000_updated.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ The Telecommunication Act [Электронный ресурс]. URL: <https://egazette.gov.in/WriteReadData/2023/250880.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

При этом Индия ориентирована на сотрудничество с западными компаниями. В частности, в этой стране запрещены китайские приложения (*TikTok, WeChat*), правительство Индии участвует в альянсе «*Quad*», созданным в 2007 г. США совместно с Японией и Новой Зеландией в противовес Китаю [19].

ЮАР

Южная Африка представляет собой «колеблющееся государство» в цифровой геополитике – региональную державу с ограниченными ресурсами, балансирующую между крупными цифровыми державами. Страна сталкивается с «двойными цифровыми парадоксами»: поиск выгод от цифрового развития при одновременном устранении угроз кибербезопасности и обеспечении баланса между обеспечением безопасности и защитой прав.

Подход страны определяется стремлением к лидерству в регионе, с одной стороны, и опасениями нового «цифрового колониализма» со стороны как западных, так и китайских технологических компаний, с другой стороны. Государство владеет миноритарными пакетами акций в компаниях телекоммуникационной инфраструктуры, принадлежащих иностранным фирмам, и придерживается децентрализованного подхода, позволяя национальным и иностранным технологическим компаниям свободно конкурировать.

Правовую основу цифрового суверенитета ЮАР составляют:

– Закон о защите личной информации (*South Africa's Protection of Personal Information Act, 2013*)¹, разработанный по аналогии с Общим регламентом по защите данных ЕС;

– Закон о киберпреступности (*The Cybercrimes Act, 2021*)²;

¹ South Africa's Protection of Personal Information Act [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/3706726-11act4of2013protectionofpersonalinforcorrect.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

² The Cybercrimes Act [Электронный ресурс]. URL: [https://www.gov.za/documents/acts/cybercrimes-](https://www.gov.za/documents/acts/cybercrimes-act-19-2020-english-afrikaans-01-jun-2021)

– Национальная политика в области данных и облака (*National Policy on Data and Cloud, 2024*)³, направленная на регулирование вопросов управления цифровым облаком и обеспечение локализации данных.

Данная модель представляет собой попытку добиться цифрового суверенитета, несмотря на высокую технологическую зависимость. При этом ЮАР стремится позиционировать себя как регионального лидера, в частности, оказывая влияние на правовую базу других стран Африки, выступая посредником между западными, китайскими и африканскими цифровыми интересами, а на международном уровне призывая к более справедливому глобальному цифровому управлению. Таким образом, ЮАР представляет собой яркий пример того, как развивающиеся страны пытаются добиться цифрового суверенитета.

Кратко представим различные модели цифрового суверенитета (табл. 1).

Заключение

Проведённый анализ подходов различных государств к пониманию содержания цифрового суверенитета позволяет выделить основные элементы, которые принято к нему относить: это контроль над инфраструктурой, технологиями, распространяемым в сети контентом и данными, а также экономической активностью.

Однако такая широкая трактовка цифрового суверенитета представляется принципиально неверной. Если исходить из того, что государственный суверенитет составляет определённый набор элементов (территориальный суверенитет, юрисдикционный суверенитет, информационный суверенитет⁴, технологический

[act-19-2020-english-afrikaans-01-jun-2021](https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202406/50741gen2533.pdf) (дата обращения: 10.09.2025).

³ National Policy on Data and Cloud. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202406/50741gen2533.pdf

⁴ Информационный суверенитет – это юридическое свойство (признак) государства как особого субъекта информационно-правовых отношений,

Таблица 1 / Table 1

Модели цифрового суверенитета / Digital sovereignty models

Модель	Страны	Концепция цифрового суверенитета	Механизмы реализации
Цифровой суверенитет	Китай, Россия	Цифровой суверенитет как абсолютная государственная власть над ограниченным киберпространством	Техническая фильтрация контента на границах, правовые механизмы контроля за киберпространством, отечественные технологии и платформы
Регулятивный суверенитет	ЕС	Цифровой суверенитет как способность осуществлять глобальное управление посредством правового регулирования	Экстерриториальное регулирование, установление глобальных стандартов, продвижение своих ценностей как основы для глобального регулирования
Корпоративный суверенитет/ функциональный суверенитет	США	Глобальный суверенитет через власть ТНК и юрисдикционные притязания	Законодательное закрепление экстерриториальности цифрового суверенитета США, управление цифрового средой через частные корпорации
Технологический суверенитет	Индия	Суверенитет через управляемые государством цифровые общественные блага	Национальная цифровая инфраструктура: облачные сервисы, система идентификации, платёжная система, управление данными
Прагматическая зависимость	ЮАР	Ограниченный суверенитет в условиях цифровой зависимости	Децентрализация управления, конкуренция иностранных компаний на национальном рынке, позиционирование себя как регионального лидера в продвижении правового регулирования

Источник: составлено автором

суверенитет¹, экономический суверенитет² и цифровой суверенитет), то очевидно, что каждый из этих элементов является самодостаточным. То есть одно и то же свой-

осуществляющего их правовое регулирование как в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), экстерриториальных режимов, так и при участии в международно-правовом регулировании (глобальное и региональное информационное пространство) [20]

¹ Технологический суверенитет – это способность страны самостоятельно создавать, контролировать и применять критически важные технологии, обеспечивая экономическую и национальную безопасность [21].

² Экономический суверенитет – это свойство государства, при котором оно способно самостоятельно принимать решения в сфере экономики и проводить экономическую политику [20].

ство государства не может одновременно входить в 2 и более элемента его суверенитета (например, территориальный суверенитет – это физический контроль над территорией и всем, что находится на ней, над ней или под ней, в то время как юрисдикционный суверенитет – это верховенство национального права на данной территории). Включение же в цифровой суверенитет всего, что было перечислено выше, неизбежно приведёт к пересечению между цифровым и прочими элементами суверенитета, чего, в принципе, быть не может.

Так, контроль над инфраструктурой (дата-центры, кабели и т. п.) явно отно-

сится к территориальному суверенитету, коль скоро они физически находятся на территории государства. Если же они принадлежат по праву собственности частному юридическому лицу, но физически располагаются на территории иного государства, то, как и в отношении иных объектов собственности, суверенитет государства на них не может распространяться.

Юрисдикционный суверенитет государства традиционно может действовать только на его территории, поэтому попытки распространить его на территорию других государств недопустимы. Речь может идти только о выборе сторонами гражданско-правовых отношений применимого права, т. е. юрисдикции разрешения спора.

Контроль над технологиями, используемым в цифровом пространстве очевидно составляет часть технологического суверенитета, который означает наличие в стране критических и сквозных технологий, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы¹.

Способность государства формировать ценности, нормы и принципы, принятые в киберпространстве, а также контролировать и управлять распространяемым в стране контентом является признаком информационного суверенитета.

Наконец, способность контролировать деятельность цифровых платформ, пресекая злоупотребления с их стороны как в вопросах конкуренции, так и в сфере распространяемого с их помощью контента, а также регулировать владение и распоряжение цифровыми активами – это основа экономической безопасности государства, т. е. его экономического суверенитета.

Исходя из того, что цифровой суверенитет не может подменять собой ни один из перечисленных выше элементов государственного суверенитета, то все указанные явления, по сути, являются ни чем иным,

как традиционными общественными отношениями, только осуществляемыми в цифровой среде, что не отменяет для них общих правил определения пределов национального суверенитета. Фактически единственным объектом, выходящим за эти рамки и специфическим для цифровой среды, является суверенитет данных. Он включает правовое регулирование вопросов сбора, хранения, обработки и передачи данных, в т. ч. правила их локализации (предписывающие, чтобы определённые данные оставались в пределах национальных границ).

Приведённые выше сравнение национальных подходов к цифровому суверенитету показывает признание той роли, которую данные играют в современном мире и, соответственно, желания государств их контролировать (например, для Китая данные – это «национальное достояние»). Иными словами, цифровой суверенитет заключается именно в способности государства реализовать своё суверенное право (осуществлять контроль) в отношении данных.

Подтверждением этому служит то, что, согласно Указу Президента РФ № 203, цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде. Иными словами, основой цифровой трансформации стали технологии обработки больших массивов данных, а владение самими данными и способность их обрабатывать являются квалифицирующими признаками цифровизации и всех связанных с ней явлений (будь то цифровая экономика или цифровой суверенитет).

При этом суверенитет (контроль) над данными заключается в способности государства осуществлять их правовое регулирование в форме нормативно установленных ограничений по способам и пределам их использования для различных целей, требований их локализации (т. е. хранении на территории государства) и ограничению их передачи за пределы государства (это могут быть правила о том, какие данные можно передавать свободно, какие с согласия их субъ-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.» // СПС Консультант Плюс.

екта, а какие – только с согласия уполномоченных органов власти и/или процедурные правила, например, как в Китае).

Что же касается рассмотренных выше различий в подходах разных государств к пониманию цифрового суверенитета, то это скорее разница в методах и инструментах реализации этого суверенного права. Однако если говорить объективно, то способы осуществления суверенных прав в отношении рассмотренных элементов суверенитета всегда различаются в зависимости от политических систем, технологического и экономического развития, стратегических приоритетов, а также исторических корней и мировоззренческих позиций страны. Поэтому данные различия в подходах к цифровому суверенитету не должны вводить в заблуждение.

Модели «корпоративного суверенитета» (США), «цифрового суверенитета» (Китай/Россия) и «регулятивного суверенитета» (ЕС) представляют собой конкурирующие нормативные подходы к регулированию вопросов сбора, хранения, использования и передачи данных. Следовательно, за-

дачей сначала научного, а затем и международного политического сообщества является выработка единых, согласованных подходов к правовому регулированию в данной области.

В этом контексте Россия вполне может претендовать на одну из ведущих ролей в мире, поскольку обладает наиболее комплексной и проработанной правовой базой, а следовательно, может предлагать готовые правовые подходы к регулированию вопросов цифрового суверенитета на международном уровне.

В качестве же концептуальной основы для начала такой дискуссии о формулировании единого подхода к пониманию цифрового суверенитета, представляется возможным, опираясь на определение государственного суверенитета, сформулированное А. Б. Венгеровым¹, предложить следующее определение: *цифровой суверенитет – это обладание правом и возможностью осуществлять политику управления данными от имени всего общества внутри страны.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Ruohonen J. The treachery of images in the digital sovereignty debate // *Minds and Machines*. 2021. Vol. 31. № 3. P. 439–456. DOI: 10.1007/s11023-021-09566-7.
2. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 1. С. 187–200.
3. Zinovieva E. Evolution of the Concept “Territorial Sovereignty” in the Digital Age // *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. 2022. P. 187–195. DOI: 10.1007/978-3-031-50407-5_15.
4. Сюй Хао, Сюй Чан Киберпространство и суверенитет: как сетевое взаимодействие формирует национальную автономию // *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 6. С. 251–256.
5. Jiang M., Belli L. Contesting Digital Sovereignty: Untangling a Complex and Multifaceted Concept // *Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance* / eds. M. Jiang, L. Belli. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 1–24.
6. Glasze G., Cattaruzza A., Douzet F., et al. Contested Spatialities of Digital Sovereignty // *Geopolitics*. 2023. Vol. 28. № 2. P. 919–958. DOI: 10.1080/14650045.2022.2050070
7. Min Jiang. Models of State Digital Sovereignty From the Global South: Diverging Experiences From China, India and South Africa // *Policy and Internet*. 2024. Vol. 16. P. 727–738. DOI: 10.1002/poi3.427
8. Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // *Digital Society*. 2025. Vol. 4. P. 27. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4.
9. Zhang Ch., Morris C. Borders, bordering and sovereignty in digital space // *Territory, Politics,*

¹ Согласно А. Б. Венгерову, государственный суверенитет – это верховенство и независимость от какой-либо иной власти, обладание правом и возможностью осуществлять внутреннюю и внешнюю политику от имени всего общества внутри и вне страны [22]

- Governance. 2023. Vol. 11. № 6. P. 1051–1058. DOI: 10.1080/21622671.2023.2216737.
10. Mihelj S. Platform nations // *Nations and Nationalism*. 2023. Vol. 29. № 1. P. 10–24. DOI: 10.1111/nana.12912.
 11. Morris C. Digital displacement: The spatialities of contentious politics in China's digital territory // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2022. Vol. 47. № 4. P. 1075–1089. DOI: 10.1111/tran.12559.
 12. Miao W., Jiang M., Pang Y. Historicizing Internet Regulation in China: A Meta-Analysis of Chinese Internet Policies (1994–2017) // *International Journal of Communication*. 2021. Vol. 15. P. 2003–2026. DOI: 10.2139/ssrn.4852245.
 13. Cong W. The Spatial Expansion of China's Digital Sovereignty: Extraterritoriality and Geopolitics // *Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance* / eds. M. Jiang, L. Belli. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 63–80.
 14. Bellanova R., Carrapico H., Duez D. Digital sovereignty and European security integration: An introduction // *European Security*. 2022. Vol. 31. № 3. P. 337–355. DOI: 10.1080/09662839.2022.2101887.
 15. Roberts H., Cowls J., Casolari F., et al. Safeguarding European values with digital sovereignty: An analysis of statements and policies // *Internet Policy Review*. 2021. Vol. 10. № 3. P. 1–26.
 16. Bradford A. *The Brussels effect: How the European Union rules the world*. Oxford: Oxford University Press, 2020. 404 p.
 17. Farrell H., Newman A. L. Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion // *International Security*. 2019. Vol. 44. № 1. P. 42–79.
 18. Kumar A., Thussu D. Media, Digital Sovereignty and Geopolitics: The Case of the Tiktok Ban in India // *Media, Culture and Society*. 2023. Vol. 45. № 8. P. 1583–1599.
 19. Athique A., Ilavarasan V., Parthasarathi V., et al. *Communications, Media and Internet Concentration in India 2019–2021*. Global Media and Internet Concentration Project, 2024. 98 p.
 20. Варлен М. В. Информационный, технологический, экономический и финансовый суверенитет как новейшие типы автономности // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 9. С. 214–222.
 21. Пуляев А. В. Концепция технологического суверенитета как система правоотношений // *Законодательство*. 2024. № 10. С. 56–65.
 22. Венгеров А. Б. *Теория государства и права*. М., 2005. 608 с.

REFERENCES

1. Ruohonen, J. (2021). The Treachery of Images in the Digital Sovereignty Debate. In: *Minds and Machines*, 31-3, 439–456. DOI: 10.1007/s11023-021-09566-7.
2. Terentyeva, L. V. (2017). The Concept of State Sovereignty in the Context of Globalization and Information and Communication Processes. In: *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 187–200 (in Russ.).
3. Zinovieva, E. (2022). Evolution of the Concept “Territorial Sovereignty” in the Digital Age. In: *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. 2022. Springer, pp. 187–195. DOI: 10.1007/978-3-031-50407-5_15.
4. Xu Hao, Xu Chan. (2025). Cyberspace and Sovereignty: How Networking Shapes National Autonomy. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 6, 251–256 (in Russ.).
5. Jiang M., Belli L. (2024). Contesting Digital Sovereignty: Untangling a Complex and Multifaceted Concept. In: *Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–24.
6. Glasze, G., Cattaruzza, A., Douzet, F., et al. (2023). Contested Spatialities of Digital Sovereignty. In: *Geopolitics*, 28-2, 919–958. DOI: 10.1080/14650045.2022.2050070.
7. Min Jiang. (2024). Models of State Digital Sovereignty from the Global South: Diverging Experiences from China, India and South Africa. In: *Policy and Internet*, 16, 727–738. DOI: 10.1002/poi3.427.
8. Pierucci, F. (2025). Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace. In: *Digital Society*, 4, 27. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4.
9. Zhang, Ch. & Morris, C. (2023). Borders, Bordering and Sovereignty in Digital Space. In: *Territory, Politics, Governance*, 11-6, 1051–1058. DOI: 10.1080/21622671.2023.2216737.
10. Mihelj, S. (2023). Platform Nations. In: *Nations and Nationalism*, 29-1, 10–24. DOI: 10.1111/nana.12912.

11. Morris C. (2022). Digital Displacement: The Spatialities of Contentious Politics in China's Digital Territory. In: *Transactions of the Institute of British Geographers*, 47-4, 1075–1089. DOI: 10.1111/tran.12559.
12. Miao, W., Jiang, M. & Pang, Y. (2021). Historicizing Internet Regulation in China: A Meta-Analysis of Chinese Internet Policies (1994–2017). In: *International Journal of Communication*, 15, 2003–2026. DOI: 10.2139/ssrn.4852245.
13. Cong, W. (2024). The Spatial Expansion of China's Digital Sovereignty: Extraterritoriality and Geopolitics. In: *Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 63–80.
14. Bellanova, R., Carrapico, H. & Duez, D. (2022). Digital Sovereignty and European Security Integration: An Introduction. In: *European Security*, 31, 3, 337–355. DOI: 10.1080/09662839.2022.2101887.
15. Roberts, H., Cowsls, J., Casolari, F., et al. (2021). Safeguarding European values with digital sovereignty: An analysis of statements and policies. In: *Internet Policy Review*, 10-3, 1–26.
16. Bradford, A. (2020). *The Brussels effect: How the European Union rules the world*. Oxford: Oxford University Press.
17. Farrell, H. & Newman, A. L. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. In: *International Security*, 44-1, 42–79.
18. Kumar, A. & Thussu, D. (2023). Media, Digital Sovereignty and Geopolitics: The Case of the Tiktok Ban in India. In: *Media, Culture and Society*, 45-8, 1583–1599.
19. Athique, A., Ilavarasan, V., Parthasarathi, V., et al. (2024). *Communications, Media and Internet Concentration in India 2019–2021*. Global Media and Internet Concentration Project.
20. Varlen, M. V. (2023). Information, Technological, Economic and Financial Sovereignty as the Latest Types of Autonomy. In: *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 9, 214–222 (in Russ.).
21. Pulyaev, A. V. (2024). The Concept of Technological Sovereignty as a System of Legal Relations. In: *Legislation*, 10, 56–65 (in Russ.).
22. Vengerov, A. B. (2005). *Theory of State and Law*. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коданева Светлана Игоревна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела правопедения Института научной информации по общественным наукам РАН; ORCID: 0000-0002-8232-9533; e-mail: kodanevas@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana I. Kodaneva (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Senior Researcher, Department of Law, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-8232-9533; e-mail: kodanevas@gmail.com

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-4-29-40

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Кузьменкова Т. Н.

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, г. Могилёв,

Республика Беларусь

e-mail: kuzmenkova@m.msu.by

Поступила в редакцию 26.10.2025

После доработки 14.11.2025

Принята к публикации 22.11.2025

Аннотация

Цель. Оценка особенностей правового статуса несовершеннолетних сквозь призму их влияния на государственно-правовое регулирование сферы информационной безопасности несовершеннолетних.

Процедура и методы. В рамках работы применены методы нормативного анализа, сравнительно-правового анализа и системного исследования. Проанализированы положения законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации, международные нормы, регулирующие вопросы обеспечения безопасности детей в киберпространстве, определена проблематика, выявлены общие тенденции развития исследуемой сферы, а также особенности применительно к национальной правовой системе.

Результаты. Обоснована актуальность правового сопровождения взаимодействия детей и подростков с информационным пространством, в особенности с киберпространством. Доказано влияние специфики конституционно-правового статуса личности в отношении несовершеннолетних на систему организационно-правовых мер обеспечения их информационной безопасности; выделены особенности совершенствования национальной модели обеспечения безопасности несовершеннолетних от угроз и вызовов в информационной среде.

Теоретическая и/или практическая значимость. Расширен понятийно-категориальный аппарата в области юридического сопровождения сферы информационной безопасности личности, раскрыты особенности и основные направления совершенствования принимаемых организационно-правовых мер, направленных на обеспечение безопасности детей и подростков в информационном пространстве.

Ключевые слова: информационная безопасность, несовершеннолетние, правовой статус, информационные права, кибербезопасность

Для цитирования:

Кузьменкова Т. Н. Специфика правового сопровождения обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // Московский юридический журнал. 2025. № 4. С. 29–40. 2025. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-29-40>.

Original research article

SPECIFIC FEATURES OF LEGAL SUPPORT FOR ENSURING INFORMATION SECURITY FOR MINORS

T. Kuzmenkova

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus
e-mail: kuzmenkova@m.msu.by

Received by the editorial office 26.10.2025

Revised by the author 14.11.2025

Accepted for publication 22.11.2025

Abstract

Aim. To assess the legal status of minors through the lens of their influence on state and legal regulation of information security for minors.

Methodology. This study utilizes normative analysis, comparative legal analysis, and systems research. The study analyzes the legal provisions of the Republic of Belarus and the Russian Federation, as well as international norms governing children's safety in cyberspace. The problematic issues are identified, general trends in the development of the area under study are revealed, and specific aspects of the national legal system are explored.

Results. The relevance of legal support for children and adolescents' interactions with the information space, particularly cyberspace, is substantiated. The influence of the specific constitutional and legal status of minors on the system of organizational and legal measures to ensure their information security is demonstrated; specific features of improving the national model for ensuring the safety of minors from threats and challenges in the information environment are highlighted.

Research implications. The article is expanding the conceptual and categorical apparatus in the field of legal support for the sphere of personal information security, revealing the characteristics and key areas for improving the organizational and legal measures taken to ensure the safety of children and adolescents in the information space.

Keywords: information security, minors, legal status, information rights, cybersecurity

For citation:

Kuzmenkova, T. N. (2025). Specific Features of Legal Support for Ensuring Information Security for Minors. In: *Moscow Juridical Journal*, pp. 29–40. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-29-40>.

Введение

Несмотря на свою неразрывную связанность со сферой информационной безопасности в целом как компонента национальной безопасности информационная безопасность личности нуждается в самостоятельном теоретико-правовом сопровождении, поскольку при любом виде информационного воздействия первичным источником потребления информации выступает индивид.

В ходе ранее проведённых исследований автором было дано определение информационной безопасности личности, а также

раскрыты её проявления в структуре конституционно-правового статуса личности как гарантии реализации прав и свобод, основания для ограничения отдельных прав и свобод, и ключевое её проявление – право на безопасность в информационной сфере, разделённое на следующие составляющие: право на защиту от деструктивного информационного воздействия, право на кибербезопасность, право на защиту персональных данных и иной личной информации.

В рамках общей стратегии теоретико-правового сопровождения категории информационной безопасности личности,

предлагается развивать правовое регулирование общественных отношений ещё и в плоскости категорий защищаемых субъектов, определяя их специфику и, соответственно, адаптируя под неё общий механизм обеспечения безопасности личности в информационном пространстве. Наиболее уязвимой группой в аспекте восприимчивости к существующим в информационном пространстве угрозам выступают несовершеннолетние.

Специфика правового статуса несовершеннолетних

На современном этапе развития государств правовой статус несовершеннолетних отличается от общего правового статуса личности в аспекте предоставления детям более высокого уровня защиты с учётом их физических, умственных и психических особенностей, что свидетельствует и о более высоком уровне развития общества в целом. Как отмечает Т. В. Наумович «совершенствование конституционно-правового статуса несовершеннолетних как важнейшей гарантии гармоничного развития общества на пути формирования правового государства – одна из самых важных задач любого государства, т. к. будущее в значительной мере зависит от физического и нравственного здоровья подрастающего поколения» [1, с. 36].

Защита детей является одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь, в рамках которого функционирует ряд нормативных правовых актов. В соответствии со ст. 181 Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье» (далее Кодекс о браке и семье), «ребёнок имеет право на особую, преимущественную и первоочередную заботу, как со стороны родителей, так и со стороны государства. Государство гарантирует защиту прав ребёнка как до, так и после рождения»¹.

¹ Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9.07.1999 г. № 278-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 12.07.2025 г. № 86-З) // ЭТАЛОН. Online: [сайт]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278&yyclid=mkzsq29tyr141450881> (дата обращения: 23.10.2025).

Данное положение развивает конституционные нормы, а также соответствует сущности международной защиты прав ребёнка, которая, как отмечает И. М. Рачек, представляет систему взаимосогласованных действий государств и неправительственных организаций, направленных на обеспечение прав ребёнка и содействие их реализации в национальном законодательстве, а также на оказание международной помощи детям слаборазвитых государств. Основой для такой защиты являются международные договоры, конвенции, соглашения [2, с. 119], в частности Конвенция о правах ребёнка, которая была принята Генеральной ассамблеей ООН 1989 г. и вступила в силу для Республики Беларусь 31.10.1990 г. (далее Конвенция о правах ребёнка). Статья 5 документа акцентирует внимание на осуществлении прав ребёнка в соответствии с его развивающимися способностями².

Развитие ребёнка – непрерывный процесс, этапы взросления сменяют друг друга, в результате чего формируется личность уже взрослого человека. «Совершеннолетие устанавливается государством как грань, отделяющая детство от взрослой жизни. В основе этого установления находится предположение о достижении человеком к определённому возрасту необходимой физической, психической и социальной зрелости [1, с. 38].

Совершеннолетие в Республике Беларусь наступает с 18 лет, до этого момента лицо считается ребёнком (либо несовершеннолетним). Так, ч. 1 ст. 179 Кодекса о браке и семье определяет, что лицо с момента рождения до достижения им 18 лет считается несовершеннолетним³.

² Конвенция о правах ребёнка: ратифицирована постановлением Верховного Совета Белорусской ССР от 28.07.1990 г. // ЭТАЛОН. Online: [сайт]. (дата обращения: 23.10.2025)

³ Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: 9.07.1999 г. № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24.06.1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. №86-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.09.2025).

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона Республики Беларусь № 2570-ХІІ «О правах ребёнка» (далее Закон о правах ребёнка), «под ребёнком понимается физическое лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)»¹. Далее норма содержит определённые изъятия из этого правила в случае, если лицо раньше приобрело гражданскую дееспособность в полном объёме. Из этого можно сделать вывод, что эмансипация, а также заключение брака до 18 лет лишают лицо специфики статуса, определённой Законом о правах ребёнка.

Несовершеннолетние делятся на следующие возрастные группы (ст. 179 Кодекса о браке и семье)²:

- ребёнок до достижения им 14 лет считается малолетним;
- несовершеннолетний от 14 до 18 лет считается подростком.

Помимо явных законодательно закреплённых возрастных границ, возрастную периодизацию по определённым критериям можно вывести из смысла отдельных норм. Так, в ст. 37¹ Закона о правах ребёнка в зависимости от присваиваемых информационной продукции знаков возрастной категории выделены следующие возрастные периоды: 6, 12, 16 и 18 лет³, что предопределяется особенностями информационной уязвимости ребёнка.

В целом определение любых возрастных границ соответствует этапам формирования необходимой физической, психической и социальной зрелости и в последующем предопределяет особенности правового статуса детей определённой группы. Преамбула Закона о правах ребёнка

как акцентирует внимание на правовом статусе ребёнка как самостоятельного субъекта. В соответствии с ч. 3 ст. 1 данного документа «правовое регулирование прав и обязанностей ребёнка осуществляется с учётом возраста ребёнка и его дееспособности»³.

На основе анализа национального законодательства можно сделать вывод, что все элементы конституционно-правового статуса личности (гражданство, правосубъектность, права свободы, обязанности, гарантии реализации прав и свобод) отображают определённую специфику в отношении несовершеннолетних, предопределяемую этапами формирования физической, психической и социальной зрелости.

Прежде всего, она отображена в правах и свободах несовершеннолетних как центральном элементе их правового статуса. Они фиксируются в конституционно-правовых нормах, определяющих общий правовой статус личности, Кодексе о браке и семье, Кодексе об образовании, ином законодательстве и в наибольшей степени раскрывают свои характерные черты в Законе о правах ребёнка.

Информационные права и свободы несовершеннолетних

В процессе становления личности несовершеннолетних ключевая роль отводится информации. Информация сопровождает несовершеннолетних на всех этапах взросления и охватывает все сферы его жизнедеятельности: воспитание, образование, досуг, культурная деятельность. В этой связи в общей совокупности прав ребёнка можно выделить особую группу прав – прав и свобод ребёнка в информационном пространстве: как «основных информационных прав и свобод (право на информацию и право на доступ к информации, в т. ч. «право на доступ к конкретным видам информации» [3, с. 53], так и непосредственно связанных с информационными правами (свобода мнений, убеждений и их свободно выражение). Данные права от-

¹ Закон Республики Беларусь № 2570-ХІІ от 19.11.1993 г. «О правах ребёнка» // ЭТАЛОН. Online: [сайт]. URL: <https://clc.li/JAMhf> (дата обращения: 20.09.2025).

² Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: 9 июля 1999 г. №278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. №86-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.10.2025).

³ О правах ребёнка: Закон Респ. Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ : в ред. от 8 июля 2024 г. № 22-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.10.2025).

ражаются как в документах, принятых по итогам международного (регионального) сотрудничества, так и в национальном законодательстве.

Согласно ст. 13 Конвенции о правах ребёнка, «ребёнок имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребёнка»¹.

Статья 11 закона Республики Беларусь «О правах ребёнка» закрепляет право каждого ребёнка на получение, хранение и распространение информации в соответствии с Законом и иными законодательными актами, свободу мнений, убеждений и их свободное выражение².

Реалии сегодняшнего дня, опосредованные стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, обуславливают и стремительное развитие новой группы прав ребёнка – цифровых прав. В Замечании общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой к Конвенции о правах ребёнка акцентировано внимание (п. 3) на важности цифровой среды в большинстве аспектов жизни детей, поскольку общественные функции, включая образование, государственные услуги и торговлю, всё больше опираются на цифровые технологии. Отмечается, что цифровая среда открывает новые возможности для реализации прав детей, а полноценный доступ к цифровым технологиям может помочь детям реализовать весь спектр их гражданских, политических, культурных, экономических и социальных прав (п. 4)³.

¹ Конвенция о правах ребёнка: ратифицирована постановлением Верховного Совета Белорусской ССР от 28.07.1990 г. // ЭТАЛОН.Online: [сайт]. URL: <https://clc.li/hAZIV> (дата обращения: 23.09.2025).

² О правах ребёнка: Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 г. № 2570-XII // ЭТАЛОН.Online: [сайт]. <https://clc.li/JAMhf> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой // Организация

В юридической науке информационным правам несовершеннолетних посвящён ряд исследований. Л. А. Букалерева, А. В. Остроушко всю совокупность информационных прав и интересов несовершеннолетних делят на 3 группы:

«1) права и интересы, вытекающие из конституционного права на информацию (создавать, искать, получать, передавать и распространять);

2) права и интересы, связанные с защитой информации, имеющейся у несовершеннолетнего и о несовершеннолетнем;

3) права и интересы, связанные с защитой от воздействия негативной информации» [4, с. 58].

Т. И. Сустина в диссертационном исследовании по вопросу правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества формулирует понятие «информационные права ребёнка» как «совокупность правовых норм, закрепляющих права несовершеннолетних по созданию, обладанию, использованию и распространению информации, а также состояние их защищённости, определяемое обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних»⁴.

Соглашаясь с автором, особо обращаем внимание на последнюю формулировку (состояние их защищённости, определяемое обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних) и полагаем, что отдельная группа прав и свобод ребёнка в системе его информационных прав предопределяется соображениями их защиты от угроз и вызовов в информационном пространстве.

Е. А. Брылева, исследующая направления принимаемых государством мер в рамках обеспечения информационной безопасности, подчёркивает, что в числе основных направлений безопасности

Объединённых Наций: [сайт]. URL: <https://clc.li/хуруW> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴ Сустина Т. И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 98.

личности должна быть защита интересов личности несовершеннолетнего в информационной сфере. Это обусловлено, прежде всего, возрастными, психологическими и физиологическими особенностями формирующейся личности, а также тем, что несовершеннолетний в наибольшей степени подвержен негативному воздействию от информации, наносящей вред его здоровью и нравственному развитию [5, с. 13].

Р. Н. Ключко и Е. И. Гуцко, исследуя вопросы классификации преступлений против прав и законных интересов несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет, отмечают, что «дети всё чаще проводят время во “всемирной паутине”, которая переполнена информацией деструктивного содержания, а информационно-коммуникационные технологии открывают широкие возможности для удалённого влияния на сознание несовершеннолетних» [6, с. 67].

По мнению Т. И. Сустиной, обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних есть обеспечение состояния их защищённости, под которым автор понимает «ограждение несовершеннолетнего субъекта от угроз деструктивного информационного воздействия в цифровой среде посредством обеспечения доступа к полезному контенту, с одной стороны, и формирование “информационного скаффандра” несовершеннолетнего с целью его защиты и формирования современных навыков фильтрации информации и самозащиты от цифровых угроз как элемента “цифровой зрелости”, с другой стороны»¹.

Модельный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», принятый на 33 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 33-15 от 3.12.2009) вводит понятие информационной безопасности детей как состояния, «при котором отсутствует риск, связанный с причине-

нием информацией вреда физическому и психическому здоровью, нравственному, духовному, психическому, физическому и социальному развитию детей, и созданы условия для доступа детей к информации, способствующей их надлежащему развитию и воспитанию»².

Таким образом, проблема обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних на сегодняшний день находится в спектре внимания науки, международного (в т. ч. регионального) сотрудничества, развития национального законодательства.

Особенности теоретико-правового сопровождения информационной безопасности несовершеннолетних

Проецируя категорию информационной безопасности личности на специфику статуса несовершеннолетних полагаем, что в сущностном аспекте она не будет иметь особенностей: информационная безопасность несовершеннолетних есть состояние их защищённости, гарантирующее реализацию их прав и свобод в связи с поиском, получением, хранением, распространением и использованием информации при условии минимизации негативного воздействия внутренних и внешних вызовов и угроз собственности, физическому, психическому здоровью, духовному, социальному и нравственному развитию и поддержания необходимого баланса их интересов с интересами общества и государства. Однако конкретные проявления информационной безопасности в структуре конституционно-правового статуса несовершеннолетних будут иметь особые, присущие только данной группе черты по содержанию и характеру реализации, обусловленные этапами формирования физической, психической и социальной зрелости.

¹ Сустина Т. И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 45–46.

² Модельный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (постановление № 33-15 от 03.12.2009): [Электронный ресурс]. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/257.pdf?ysclid=mkzs43s2mo341739172> (дата обращения: 23.09.2025).

Раскроем особенности составляющих права на безопасность в информационной сфере применительно к специфике статуса несовершеннолетних.

Право на защиту от деструктивного информационного воздействия есть юридически гарантированная лицу возможность осуществлять пользование информацией без оказания на него информационного влияния, создающего угрозу физическому и психическому здоровью, собственности, духовному, социальному и нравственному развитию. Специфика анализируемого компонента права на безопасность в информационной сфере предопределяется особым субъектом защиты – личностью несовершеннолетнего, не вполне сформировавшейся и более уязвимой для существующих в информационном пространстве угроз, что будет выражаться в установлении запретов и ограничений на распространение определённой информации (способной оказать негативное влияние на физическое и психическое здоровье, нравственное, духовное и социальное развитие) среди несовершеннолетних.

Так, в ст. 37¹ Закона о правах ребёнка закреплено право детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, а также раскрыто понятие информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, как информации, способной «оказать негативное влияние на здоровье, физическое, нравственное и духовное развитие детей определённой возрастной категории»¹. Перечислены конкретные виды такой информации, которые сгруппированы в зависимости от возможных последствий негативного влияния.

В Российской Федерации, в соответствии со ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436-ФЗ, к информации, запрещённой для распространения среди детей, помимо ана-

логичной запрещённой информации в Республике Беларусь, отдельными блоками выделена следующая информация: «пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения; пропагандирующая педофилию; способная вызвать у детей желание сменить пол; пропагандирующая отказ от деторождения»².

С учётом необходимости приведения национального законодательства в соответствие с новыми угрозами в информационном пространстве и в рамках унификации законодательства с Российской Федерацией был принят Закон Республики Беларусь № 86-З «Об изменении законов по вопросам обеспечения прав детей», в соответствии с п. 21 которого в Закон о правах ребёнка внесены изменения, и в перечень запрещённой к распространению среди детей информации добавлена следующая: «дискредитирующая институт семьи и брачно-семейные отношения, направленная на пропаганду гомосексуальных отношений, смены пола, педофилии, бездетности»³ (норма вступит в силу через 6 месяцев после официального опубликования).

Следует учитывать, что объём и содержание запретов и ограничений к распространению информации среди малолетних и подростков могут и должны изменяться, подстраиваясь под темпы развития общественных отношений, вновь возникающие вызовы и угрозы, что в целом характеризует эффективность права как социального регулятора. Поэтому приведение в соответствии с потребностями государства и общества данных запретов и ограничений – естественный и постоянный процесс.

Так, 31 июля 2025 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 324-ФЗ «О внесении изменений в

¹ О правах ребёнка: Закон Респ. Беларусь от 19.11.1993 г. № 2570-ХП : в ред. от 8.07.2024 г. № 22-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.10.2025).

² Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации // СПС Консультант Плюс

³ О правах ребёнка: Закон Респ. Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХП : в ред. от 12 июля 2025 г. № 86-З (не вступ. в силу) // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.10.2025).

статьи 10⁵ и 10⁶ Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 5 и 5¹ Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»» (вступает в силу 01.03.2026 г.), направленный на противодействие «распространению аудиовизуальных произведений, которые содержат материалы, дискредитирующие традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующие их отрицание»¹.

В этом аспекте следует учитывать последние тенденции развития национального законодательства, протекающие в русле последних изменений Основного Закона. Так, закрепляя национальную модель общественного развития, признавая её уникальность, фиксируя понятие идеологии белорусского государства как «систему идей, взглядов и представлений, которая отражает национально-исторические традиции, интересы и ценности белорусского народа», определяя цели развития личности, общества и государства², основы идеологии белорусского государства, утверждённые Директивой Президента Республики Беларусь № 12, в ближайшее время окажут влияние на все области общественных отношений, подлежащих правовому регулированию.

По нашему мнению, подлежит приведению в соответствие с Основами идеологии белорусского государства и сфера правового сопровождения информационной безопасности несовершеннолетних, в частности, в Закон Республики Беларусь «О правах ребёнка» (ст. 37¹) в перечне информации, причиняющей вред здоровью

и развитию детей, необходимо включить информацию, дискредитирующую идеологию белорусского государства и (или) пропагандирующую её отрицание [7, с. 112].

Кроме того, полагаем, что формулировка в Законе о правах ребёнка «право детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не охватывает все ситуации негативного воздействия на ребёнка.

Определённые способы и объёмы распространяемой информации могут также оказать негативное влияние на ребёнка. Авторы научно-практического пособия «Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа» к подобным способам и приёмам относят: «Утаивание психологически важной информации или включение значимой информации в общий контекст информационного потока; намеренное упрощение и суггестия, выражающаяся в целенаправленном повторении; изменение смысла понятий...; намеренное включение широко известного образа – известных политических деятелей, представителей шоу-бизнеса...; ангажированность в освещении событий, акцентирование и поиск негатива в абсолютно любом явлении, происходящем в обществе; использование фейк-ньюс, создающих эмоциональную волну; вынесение абсурдной либо спорной мысли в заголовок в форме вопроса или предположения...»³. Таким образом, более верным с точки зрения последующей оптимизации области информационной безопасности несовершеннолетних будет формулировка «право на защиту от деструктивного информационного воздействия».

Право на защиту персональных данных и иной личной информации как юридически гарантированная возможность лица пользоваться комплексом мер государственно-правового характера, направленных на обеспечение защиты от осуществления незаконных действий с информацией, относящейся к данному лицу, посягающих

¹ Федеральный закон 31.07.2025 N 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 105 и 106 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 5 и 5¹ Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»// СПС Консультант Плюс

² Директива № 12 от 09.04.2025 г. «Основы идеологии белорусского государства»: [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/NZUsH> (дата обращения: 23.10.2025).

³ Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа : научно-практическое пособие. М.: Блок-Принт, 2023. С. 8.

на его личную неприкосновенность и частную жизнь, в отношении несовершеннолетних также обладает спецификой, обусловленной особенностями правового статуса несовершеннолетних.

В соответствии с ч. 2, 3 п. 9 ст. 5 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» № 99-3 (далее – Закон о защите персональных данных) «до достижения субъектом персональных данных возраста 16 лет, за исключением вступления в брак до достижения возраста 16 лет, согласие на обработку его персональных данных даёт один из его законных представителей»¹. В случае дачи согласия на обработку персональных данных вместо субъекта персональных данных эти лица пользуются всеми правами субъекта персональных данных.

Несмотря на законодательное регулирование этой области общественных отношений и достаточно продуктивную реализацию норм Закона о защите персональных данных, за 4 года с момента его вступления в силу и создания соответствующего государственного учреждения (Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь как уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных) ряд аспектов в отношении защиты и реализации прав несовершеннолетних остаются вне поля правового регулирования либо сопряжены с определёнными трудностями. В частности, проблемными выступают вопросы защиты иной личной информации, которая не вполне подпадает под определение «персональные данные» как «любой информации, относящейся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано»². Кроме того, действие Закона о защите персональных дан-

ных не распространяется на отношения, касающиеся случаев обработки персональных данных: «физическими лицами в процессе исключительно личного, семейного, домашнего и иного подобного их использования, не связанного с профессиональной или предпринимательской деятельностью» (ст. 2)¹.

С учётом обозначенных аспектов интерес вызывает личная информация о несовершеннолетнем, в т. ч. его персональные данные, размещённые в сети Интернет. Причём данная информация может быть размещена как самим несовершеннолетним, так и его законными представителями либо иными субъектами.

В Замечании общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой к Конвенции о правах ребёнка (пп. 67–68) отмечено, что «угрозы могут также исходить от собственной деятельности детей, а также от деятельности членов их семьи, сверстников или других лиц, например, когда родители размещают фотографии онлайн или неизвестное лицо размещает информацию о ребёнке. ...Такая практика может привести к произвольному или незаконному ущемлению права детей на неприкосновенность частной жизни; она может иметь неблагоприятные последствия для детей, которые способны продолжать сказываться на них на более поздних этапах жизни»³.

Исследуя вопросы безопасности детей, Г. У. Солдатова и О. И. Теславская приводят данные контент-анализа личной информации в интернете, распространяемой посредством социальных сетей, и выделенные категории персональных данных: пространственная локализация; регистрационные идентификационные данные; умения, навыки, личностные черты; хроника личных событий; физические характеристики; социальные связи; материально-экономическое положение; образ жизни и поведен-

¹ О защите персональных данных: Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 № 175-3: [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.li/sZlKv> (дата обращения: 29.09.2025).

² О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 № 175-3: [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.li/sZlKv> (дата обращения: 29.09.2025).

³ Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой // Организация Объединённых Наций: [сайт]. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-25-2021-childrens-rights-relation> (дата обращения: 19.09.2025).

ческие установки; официальные статусы; профессиональная занятость; психологические особенности [8, с. 94].

В заданном контексте интерес представляет исследование Е. Ф. Довгань «Права человека в эпоху информационных технологий», в котором автор подчёркивает, что в интернет-среде широко обсуждается и «право быть забытым», формирование которого обычно связывают с решением ЕСПЧ от 13.05.2014 *Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD), Mario Costeja González (C-131/12)*. Рассматриваемая проблема связана с тем, что, в отличие от нецифровой реальности, когда информация быстро забывается, ресурсы поисковых систем способны обнаружить информацию о лице (включая личные данные, новости, посты, фотографии и иные данные в социальных сетях) в любой момент, независимо от сроков давности и добровольности/недобровольности её размещения. Очевидно, что даже информация, размещённая самим лицом в определённый момент в прошлом (посты подростков, информация о личной жизни, фото), может утратить актуальность и даже повредить его репутации, карьере, семейной жизни либо не соответствовать его внутренним потребностям» [9, с. 122].

Полагаем, что особенную значимость приобретает возможность реализации данного правомочия несовершеннолетними и их законными представителями, например, в случае если информация служит поводом для травли ребёнка среди сверстников. Следует также учитывать, что право быть забытым в онлайн-среде частично пересекается с правом на кибербезопасность, поэтому в определённой степени может быть отражено в рамках регулирования вопросов кибербезопасности несовершеннолетних.

Не вполне однозначной с точки зрения доступности и пределов правового регулирования выступает область ограничения прав родителей и законных представителей на распространение информации о ребёнке, особенно в случае, когда последний

против, либо в силу возраста не может выразить своё мнение.

Таким образом, право на защиту персональных данных и иной личной информации в отношении несовершеннолетних имеет специфику, обусловленную особенностями их правового статуса, а именно отсутствием возможности самостоятельной реализации данного права до определённого возраста (как правило, 16 лет) и нуждается в более детальном правовом сопровождении, что предопределяет и соответствующее направление развития национального законодательства.

Право на кибербезопасность есть юридически гарантированная лицу возможность осуществлять информационную активность в киберпространстве без угрозы физическому и психическому здоровью, собственности, духовному, социальному и нравственному развитию.

В отношении несовершеннолетних реализация данного права на сегодняшний день приобретает первостепенную значимость в общей системе информационных прав ребёнка, что обусловлено неоспоримой популярностью новых способов коммуникации и получения знаний, связанных со взаимодействием с киберпространством. На необходимости особой защиты детей в киберпространстве сделан акцент во многих научных исследованиях, международных документах, национальном законодательстве. Так, в соответствии с Замечанием общего порядка № 25 (п.п. 24–26) «...национальные стратегии должны быть направлены на предоставление детям возможности пользоваться преимуществами цифровой среды и обеспечение их безопасного доступа к ней. Защита детей в интернете должна быть интегрирована в национальную политику защиты детей»¹.

¹ Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой // Организация Объединённых Наций: [сайт]. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-25-2021-childrens-rights-relation> (дата обращения: 19.09.2025).

А. Л. Осипенко и В. С. Соловьёв в исследовании, посвящённом анализу киберугроз в отношении несовершеннолетних и особенностей противодействия им, выделяют следующие киберугрозы в отношении несовершеннолетних, исходящие из сети Интернет: вовлечение в экстремистскую и террористическую деятельность; кибербуллинг; насилие в школах; пропаганда и поддержка скулшутинга; склонение к суициду; вовлечение в занятия, опасные для жизни и здоровья; пропаганда криминальной идеологии; посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, вовлечение их в изготовление порнографических материалов; вовлечение в наркобизнес и наркопотребление; совершение мошеннических действий [10].

Полагаем, что на сегодняшний день с учётом неоспоримой популярности новых способов коммуникации, получения знаний и информации, основанных на взаимодействии с информационно-коммуникационными технологиями, на первый план выдвигается именно область кибербезопасности несовершеннолетних. Общую стратегию по защите детей от информационных угроз и рисков в современной цифровой среде предлагаем отразить в Концепции кибербезопасности несовершеннолетних. Документ должен определять общие подходы, принципы, цели, задачи и механизм реализации государственной политики в сфере регулирования взаимодействия детей с киберпространством и тем самым выступать ориентиром в выработке конкретных мер по противодействию существующим в киберпространстве угрозам.

Заключение

Таким образом, значимость информационного пространства для развития детей и подростков, специфика их правового статуса, а также характер существующих в информационном пространстве угроз предопределяют значимость и особенности государственно-правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.

Система обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних должна соответствовать международному регулированию этой сферы с учётом уже взятых на себя Республикой Беларусь обязательств, что не исключает возможности формирования собственной модели, отражающей национальную специфику.

Информационная безопасность несовершеннолетних должна развиваться сквозь призму её включённости в общий механизм обеспечения информационной безопасности личности, последняя в свою очередь является составляющей информационной безопасности в целом как элемента национальной безопасности.

При совершенствовании системы мер, направленных на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних, следует учитывать уже сложившуюся систему прав ребёнка, в частности, информационные права и особенности их реализации в отдельных отраслях права и законодательства.

Защита прав несовершеннолетних при их взаимодействии с информационным пространством неразрывно связана с корреспондирующими обязанностями законных представителей и иных субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумович Т. В. Ребёнок и его правовой статус: обзор законодательства Республики Беларусь // София: электронный научно-просветительский журнал. 2018. № 2. С. 36–40.
2. Рачек И. М. Механизм защиты прав ребёнка на международном, европейском и российском уровнях // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 119–122.
3. Перепелица Е. В. Основные информационные права и свободы человека: развитие в сетевом обществе // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности: сб. материалов. Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 50–56.
4. Букалерева Л. А., Остроушко А. В. Защита прав и интересов детей в информационной сфере требует внимания // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические

- науки. 2019. № 4. С. 57–65 DOI: 10.21777/2587-9472-2019-4-57-65
5. Брылева Е. А. Информационная безопасность несовершеннолетних как часть национальной безопасности // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2. С. 12–14.
 6. Ключко Р. Н., Гуцко Е. И. Классификация преступлений против прав и законных интересов несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет // ВЕСНИК МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2024. № 1. С. 67–72.
 7. Кузьменкова Т. Н. Информационная безопасность несовершеннолетних в аспекте основ идеологии белорусского государства // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран : сб. статей / под ред. Н. В. Маковской. Могилёв, 2025. С. 108–113.
 8. Солдатова Г. У., Теславская О. И. Персональные данные и дети: вопросы безопасности // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 92–102. DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-92-102
 9. Довгань Е. Ф. Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 5 С. 109–125. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.109-125
 10. Осипенко А. Л., Соловьёв В. С. Киберугрозы в отношении несовершеннолетних и особенности противодействия им с применением информационных технологий // Общество и право. 2019. № 3. С. 23–31.

REFERENCES

1. Naumovich, T. V. (2018). Legal Status of The Child: Review of the Legislation of the Republic of Belarus. In: *Sofia*, 2, 36–40 (in Russ.).
2. Rachek, I. M. (2013). Mechanism for the Protection of the Rights of the Child at the International, European and Russian Levels. In: *Bulletin of Tomsk State University*, 373, 119–122 (in Russ.).
3. Perepelitsa, E. V. (2020). Basic Information Rights and Freedoms of Man: Development in a Networked Society. In: *International Humanitarian Law through the Eyes of the Belarusian Public*. Minsk: Belarusian State University publ., pp. 50–56 (in Russ.).
4. Bukalerova, L. A. & Ostroushko, A. V. (2019). Children's Rights and Interests Protection in the Information Sphere Requires Attention. In: *Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Journal of Legal Sciences*, 4, 57–65 DOI: 10.21777/2587-9472-2019-4-57-65 (in Russ.).
5. Bryleva, E. A. (2013). Information Security of Minors as Part of National Security. In: *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2, 12–14 (in Russ.).
6. Klyuchko, R. N. & Gutsko, E. I. (2024). Classification of Crimes against the Rights and Legitimate Interests of Minors Committed using the Internet. In: *Vesnik of A. A. Kuleshov Moscow State University. Series D. Economics, Sociology, Law*, 1, 67–72 (in Russ.).
7. Kuzmenkova, T. N. (2025). Information Security of Minors in Terms of the Foundations of the Ideology of the Belarusian State. In: *Problems of Sustainable Development of the Regions of the Republic of Belarus and Neighboring Countries*. Mogilev, 108–113 (in Russ.).
8. Soldatova, G. U. & Teslavskaya, O. I. (2017). Personal Data and Children: Security Issues. In: *Era of Science*, 12, 92–102. DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-92-102 (in Russ.).
9. Dovgan, E. F. (2018). Human Rights in the Age of Information Technology. In: *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 5, 109–125. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.109-125 (in Russ.).
10. Osipenko, A. L. & Soloviev, V. S. (2019). Cyber Threats against Minors and the Peculiarities of Countering Them Using Information Technologies. In: *Society and Law*, 3, 23–31 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузьменкова Татьяна Николаевна (г. Могилёв, Республика Беларусь) – старший преподаватель кафедры теории права и социально-политических дисциплин Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова;

ORCID: 0000-0003-1345-1217; e-mail: kuzmenkova@m.msu.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana N. Kuzmenkova (Mogilev) – Senior Lecturer, Department of Law Theory and Social Political Disciplines, Mogilev State A. Kuleshov University;

ORCID: 0000-0003-1345-1217; e-mail: kuzmenkova@m.msu.by

Научная статья

УДК 342.4

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-4-41-48

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В ПРЕДМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Шигапова Г. М.

Независимый исследователь, г. Челябинск, Российская Федерация

e-mail: Shigapova_Guzal@mail.ru

Поступила в редакцию 26.09.2025

После доработки 14.10.2025

Принята к публикации 27.10.2025

Аннотация

Цель. Обосновать включение земельных правоотношений в предмет конституционного права.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ сложившихся в научной литературе позиций по вопросу о природе земельных правоотношений и о включении их в предмет конкретной отрасли права. Также обобщены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о конституционно-правовой природе земельных правоотношений, которая находит своё дальнейшее развитие в отраслевом законодательстве.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлена проблематика содержания предмета конституционного права на основе исследования земельных правоотношений, предложены аргументы в пользу конституционной природы земельных правоотношений.

Ключевые слова: земля, земельные правоотношения, предмет конституционного права, предмет земельного права, конституционно-правовое регулирование

Для цитирования:

Шигапова Г. М. Земельные правоотношения в предмете конституционного права // Московский юридический журнал. 2025. № 4. С. 41–48. 2025. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-41-48>.

Original research article

LAND RELATIONS AS A PART OF CONSTITUTIONAL LAW

G. Shigapova

An Independent researcher, Chelyabinsk, Russian Federation

e-mail: Shigapova_Guzal@mail.ru

Received by the editorial office 26.09.2025

Revised by the author 14.10.2025

Accepted for publication 27.10.2025

Abstract

Aim. To justify the inclusion of land relations in constitutional law.

Methodology. The main content of the study is an analysis of the positions in the scientific literature on the nature of land legal relations and their inclusion in a particular branch of law. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue are also summarized.

Results. According to the results of the study, a conclusion was made about the constitutional and legal nature of land legal relations, which is further developed in sectoral legislation.

Research implications. The issues of the content of the subject of constitutional law based on the study of land legal relations have been updated, arguments in favor of the constitutional nature of land legal relations have been proposed.

Keywords: land, land legal relations, subject of constitutional law, subject of land law, constitutional and legal regulation

For citation:

Shigapova G. M. (2025). Land Relations as a Part of Constitutional Law. In: *Moscow Juridical Journal*, 4, pp. 41–48. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-41-48>.

Введение

Выявление содержания предмета конституционного права является одной из важнейших научных проблем. Наличие отраслевого законодательства, особенно, если оно является кодифицированным, даёт повод говорить о существовании самостоятельной отрасли права, обладающей собственным предметом. Между тем в силу обширности конституционно-правового регулирования, что выражается в существовании конституционных норм, затрагивающих самый широкий спектр общественных отношений, в том числе тех, на которые нацелено отраслевое законодательство, возникают трудности с разграничением отраслевых предметов от предмета конституционного права.

Так, например, земельные правоотношения существуют в самых разнообразных сферах общественной жизни (экономической, социальной, политической и др.), и в ходе их реализации удовлетворяются многообразные интересы и потребности людей. Составляют ли они только предмет самостоятельного земельного права, либо могут входить в состав предмета и других отраслей, например, конституционного права, – дискуссионный вопрос, ответ на который связан с определением самих земельных правоотношений.

Дискуссия о природе земельных правоотношений

По мнению Л. И. Дембо, в обществе с рыночной экономикой нет оснований для выделения земельного права в качестве

самостоятельной отрасли права, поскольку земельные правоотношения входят в предмет гражданского права [1, с. 10–12].

В основу сформулированного Г. А. Аксененко определения земельных правоотношений как юридической формы выражения и закрепления экономических отношений в области использования земли как своеобразного объекта собственности положена экономическая сущность земли, т. е. свойство быть объектом экономического оборота [2, с. 7]. При таком подходе земельные правоотношения составляют исключительно предмет отрасли земельного права.

Аналогичную позицию отстаивал Н. Б. Мухитдинов, который утверждал, что отдельные общественные отношения хотя и связаны с землёй, по своей природе не являются земельными (например, правоотношения исключительной государственной собственности на землю или имущественные гражданские правоотношения в связи с возмещением ущерба) [3, с. 80–84].

Указанные выше авторы представляют советское направление науки, их взгляды во много обусловлены существовавшим в тот период политическим режимом и коммунистической идеологией. Вместе с тем слом экономической формации и политического режима никак не отразился на уверенности последователей подхода, согласно которому земельные правоотношения составляют только предмет земельного права.

Так, И. О. Краснова полагает, что земельные правоотношения возникают, осуществляются, изменяются и прекращаются в соответствии с предписаниями норм земельного права и классифицируются на правоотношения: собственности; землепользования; государственного земельного управления; в области охраны земель; юридической ответственности¹. Между тем автор не раскрывает специфику земельных правоотношений и их отличие от, например, гражданских правоотношений собственности.

Аналогичный подход можно встретить в учебной литературе по земельному праву².

Некоторое уточнение этой позиции встречаем у А. П. Лиманской, которая отмечает наличие частных и публичных законных интересов участников земельных правоотношений и признаёт, что некоторые из них не входят в предмет земельного права, например, отношения по поводу использования земель как территориальной основы государственного суверенитета России³.

Е. В. Сырых рассматривает отношения по использованию и охране земель с участием граждан и юридических лиц с т. зр. земельного права [4, с. 59–70].

Похожим образом высказывается Е. П. Симаева, которая рассматривает земельное право в качестве подотрасли природоресурсного права, считая, что земельные отношения регулируются в т. ч. нормами гражданского и административного права [5, с. 74–78]. Противоречивость позиции данного автора состоит в том, что, допуская регулирование земельных отношений нормами других отраслей права, она одновременно отрицает самостоятельность земельного права и слишком широко рассматривает предмет данной отрасли.

Относительно этой позиции возражает С. А. Чаркин, по мнению которого,

¹ Краснова И. О. Земельное право. Элементарный курс. М., 2003. С. 29–31.

² Болтанова Е. С. Земельное право: учеб. М., 2025. 396 с.; Ерофеев Б. В. Земельное право России: учеб. М.: Юрайт-Издат, 2004. 655 с.

³ Лиманская А. П. Земельное право. Общая часть: учеб. пособие. М., 2017. С. 15–19.

основы правового регулирования земли устанавливают нормы не земельного, а конституционного права, при этом существуют общерегулятивные земельные правоотношения, обусловленные реализацией конституционных норм и не имеющие конкретных участников, являющиеся следствием реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду [6, с. 63–70]. Вслед за Н. Б. Мухитдиновым данный автор утверждает, что отдельные общественные отношения, возникающие по поводу земли, вовсе не являются земельными отношениями, поскольку подлежат регулированию нормами других отраслей права.

Ю. С. Михальчева, напротив, именно земельно-имущественные (частные) отношения относит к отрасли гражданского права, а земельно-управленческие (публичные) отношения – к публичным отраслям права, в число которых включает и земельное право [7, с. 16–17]. При такой позиции необходимо уточнение специфики публичных земельных отношений.

Убедительно высказывается против отнесения права собственности на землю к исключительно цивилистическим понятиям В. И. Крусс, ссылаясь на то, что институт права собственности на землю составляет основы государственного устройства, а потому его регулирование только частноправовыми средствами невозможно [8, с. 161–165]. В развитие этой мысли можно сказать, что частноправовое регулирование земельных отношений будет иметь место лишь на тех участках, где не требуется публичноправовое регулирование. Соответственно ссылка на институт права собственности на землю не может быть достаточной для утверждения о включении земельных отношений исключительно в отрасль гражданского права.

При решении вопроса о том, к предмету какой отрасли права относятся земельные правоотношения, большинство авторов ссылаются на то, что они урегулированы нормами земельного права. Между тем более уместен здесь вопрос, почему они регулируются именно этими нормами и какова

вообще природа земельных правоотношений?

Так, например, в определении земельных правоотношений закладывается как обязательный признак их урегулированности нормами земельного права¹. Большинство внутриотраслевых исследований по земельному праву вопрос об отнесении земельных правоотношений только к предмету данной отрасли права принимают без обсуждения [9; 10; 11].

Однако при таком подходе остаётся без внимания, что в основе любых общественных отношений в первую очередь лежат интересы их участников. Норма права создаётся для регулирования уже существующих общественных отношений. Иными словами, желая удовлетворить определённый интерес, субъекты вступают во взаимодействие друг с другом, после чего под воздействием правовой энергии возникшим между ними отношениями придаётся правовая форма. Так, например, отношения между работником и работодателем регулируются нормами трудового права именно в силу особых природы и содержания этих отношений, связанных с удовлетворением интересов работников (достойная оплата труда, надлежащие условия труда и т. д.) и работодателей (получение прибыли, контроль и оптимизация затрат и т. д.), а не потому, что так решил законодатель.

Поэтому необходимо вести рассуждения от определения интересов участников регулируемых правом общественных отношений, возникающих по поводу земли, что является необходимым условием для ответа на вопрос об их природе и отраслевой принадлежности.

Именно на особой социальной значимости земельных отношений делает акцент Е. А. Галиновская, по мнению которой, земельные правоотношения не являются только разновидностью экономических отношений, что предопределяет ведущую

роль государства в регулировании перераспределения земель в целях сохранения баланса потребления обществом различных благ, предоставляемых землёй [12, с. 48].

Между тем вызывает сомнения обоснованность утверждения, что земельные правоотношения не могут носить межотраслевой характер. Само по себе наличие отраслевого законодательства не исключает того, что правовое регулирование данных отношений осуществляется одновременно несколькими отраслями права. Кроме того, такой категоричный вывод не учитывает роль и значение конституционного права как фундамента для других отраслей права.

Н. Н. Аверьянова придерживается другого мнения, поскольку допускает выпадение из предмета регулирования земельного права отдельных видов земельных отношений, которые вкуче по своему нормативному регулированию (нормы конституционного законодательства), субъектам (одна из сторон отношения – органы государственной власти или местного самоуправления) и содержанию (реализация особого публично-правового интереса) подпадают под предмет регулирования конституционного права, т. е. переходят в статус конституционно-правовых отношений [13]. Отнесение к предмету конституционного права земельных отношений, в основе которых находится публично-правовой интерес, представляется обоснованным. В то же время трудно согласиться с тем, что отдельные земельные отношения включаются в предмет конституционного права в результате «выпадения из предмета земельного права».

Аргументы в пользу конституционного права

Если говорить о «выпадении отдельных отношений из предмета земельного права», то получается, что изначально природа земельных отношений не носит конституционно-правовой характер, и они не являются

¹ Магомедова М. М. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Земельные правоотношения» для специальности «Землеустройство». Махачкала: ДГИНХ, 2011. С. 4.

ся атрибутом предмета конституционного права. Однако это не совсем так.

Исходя из данного С. А. Авакьяном определения предмета конституционного права как фундаментальных, ключевых общественных отношений, базовых для государства и общества и для иных общественных отношений¹, можно утверждать, что земельные отношения, если их рассматривать не только в цивилистическом ключе, а широко, имеют именно такой базовый и фундаментальный характер, поскольку не сводятся исключительно к экономическим свойствам земли. Если рассматривать земельные отношения лишь с позиции права человека владеть, пользоваться и распоряжаться землёй как объектом экономического оборота, то останутся за рамками другие не менее важные права человека, существующие и взаимосвязанные с землёй в широком значении этого термина.

Регулирование лишь одного аспекта земельных отношений, например, института права собственности на землю, вполне достижимо и возможно в рамках одной отрасли права. Однако комплексное регулирование многослойных земельных отношений, которое предусматривает не только провозглашение каких-либо прав человека, но и учреждение системы соответствующих правовых гарантий, включая возложение на государство обязанности создать условия для благополучия людей – это приоритетная задача как раз конституционного права. Именно такое значение конституционного права определяет М. В. Баглай².

Согласно разработанной О. Е. Кутафиним теории двуединого предмета конституционного права, его важнейшей составной частью (обязательным атрибутом) выступает группа общественных отношений, складывающихся в процессе воплощения в жизнь основных признаков государственной организации общества и лежащих в её основе, а другую часть (не-

обязательный атрибут) составляет группа общественных отношений, имеющих основополагающее значение для тех сфер, в которых они складываются, которыми при этом охватывается не весь комплекс общественных отношений в соответствующей сфере, а только те из них, которые являются базовыми для всех других отношений в этой сфере и предопределяют их содержание [14, с. 25–26].

В русле данной теории Д. Г. Шустров утверждает, что конституционное право устанавливает основные начала (принципы) регулирования отношений во всех сферах жизнедеятельности общества, которые продолжают развиваться, конкретизируются в других отраслях права и через них конституционное право на макроуровне влияет на содержание всех остальных отраслей права, формируя образ системы национального права [15, с. 2–9].

Охват нормами Конституции России общественных отношений, связанных с землёй, причём на уровне основ конституционного строя, является результатом государственного волеизъявления и показывает, что на данном историческом отрезке и в сложившихся политических реалиях эти отношения входят в предмет конституционного права. Кроме того, опираясь на упомянутую выше концепцию О. Е. Кутафина, можно утверждать, что отдельные земельные отношения складываются в процессе воплощения в жизнь основных признаков государственной организации общества (территория, население, власть) и лежат в её основе, т. е. они являются обязательным атрибутом предмета конституционного права. Земля как территория, как ресурс, составляющий основу жизни и деятельности населения – именно об этом идёт речь в норме ч. 1 ст. 9 Конституции РФ. В таком значении земельные отношения включены в предмет конституционного права не только по воле государства, а именно в силу своей конституционно-правовой природы.

Таким образом, следует говорить не о «выпадении из предмета земельного права», а о наличии 2 разных групп земельных

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России: учеб. курс. Т. 1. М., 2005. С. 20.

² Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М. В. Баглай. М.: Норма, 2007. С. 17–20.

правоотношений, одна из которых составляет предмет конституционного права, устанавливая основные начала (принципы) регулирования земельных отношений, а вторая группа составляет предмет других отраслей права (гражданского, земельного, экологического и т. д.), конкретизируя и развивая содержание указанных начал (принципов). Данная особенность земельных правоотношений является свидетельством конституционализации всех сфер общественного развития.

Как справедливо отмечает Б. С. Эбзеев, в современных условиях пределы конституционно-правового регулирования не связаны исключительно с устройством государства и закреплением принципов его деятельности, оно активно распространяется на все стороны общественной жизни, ограничивая и санкционируя деятельность государства¹. Н. С. Бондарь также полагает, что процессы конституционализации правовой действительности являются сегодня одним из наиболее действенных факторов влияния на предмет конституционного права [16, с. 24–35].

В решениях Конституционного Суда Российской Федерации обычно указывается, что Земельный кодекс РФ «развивает конституционные положения», «посредством его норм реализуются конституционные положения» о земле и т. д. (например, Постановление КС РФ от 30.06.2011 № 13-П²; определения от 24.03.2015 № 671-О³, от 23.06.2015 № 1453-О⁴, от 28.02.2017

№ 443-О⁵). Это также показывает, что в предмет конституционного права входят те земельные правоотношения, которые служат основой правового регулирования, а уже его конкретизация происходит на уровне отраслей права.

Тем же способом – от конституционных норм к отраслевым – осуществляют анализ подлежащих применению норм права суды общей юрисдикции (например: кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.07.2025 № 88а-10957/2025, Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.07.2025 № 88а-6199/2025, Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2025 № 88а-16545/2025, Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу от 25.06.2025 № 88а-15549/2025) и арбитражные суды (например: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.12.2018 № А32-20167/2017, постановление ФАС Поволжского округа от 03.06.2004 № А55-12122/03-6).

Заключение

Приведённый выше анализ доктринальных позиций относительно включения земельных правоотношений в предмет конституционного права в совокупности с правоприменительным подходом к этому

¹ Эбзеев Б. С. Конституционное право России: учебник. М., 2019. С. 36–37.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.06.2011 № 13-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобой гражданина А. В. Воробьёва» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3991.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 671-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Суворова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 10 Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СПС Консультант Плюс.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от

23.06.2015 № 1453-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Калина» на нарушение конституционных прав и свобод положениями подпункта 4 пункта 1 статьи 8 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 5 Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СПС Консультант Плюс.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 443-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борисова Александра Борисовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 4, 17 и 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, положением статьи 7 Земельного кодекса Российской Федерации и положениями Классификатора видов разрешённого использования земельных участков» // СПС Консультант Плюс.

вопросу позволяет прийти к выводу, что отдельные земельные правоотношения, касающиеся фундаментальных начал и принципов землепользования, относятся к предмету конституционного права. Это не исключает существование самостоятельной отрасли земельного права, обладающей собственным предметом, а лишь отражает общую тенденцию конституционализации российского права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дембо Л. И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1954. 224 с.
2. Аксененок Г. А. Земельные правоотношения в СССР. М., 1958. 424 с.
3. Мухитдинов Н. Б. Избранные труды. Т. 5.: Теоретические и законодательные проблемы некоторых отраслей права. Алматы, 2011. 439 с.
4. Сырых Е. В. Значение категории «земля» как отправная точка правового регулирования // Хозяйство и право. 2024. № 10. С. 59–70. DOI: 10.18572/0134-2398-2024-10-59-70.
5. Симаева Е. П. К вопросу о разграничении предмета природоресурсного права и земельного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2010. № 1. С. 74–78.
6. Чаркин С. А. Классификация земельных правоотношений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 3. С. 63–70.
7. Михалычева Ю. С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере земельных отношений: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2007. 26 с.
8. Крусс В. И. Право на предпринимательскую деятельность – конституционное полномочие личности. М., 2003. 672 с.
9. Вагизова Э. Р. Злоупотребление правом участниками земельных правоотношений. М.: Статут, 2014. 160 с.
10. Жуков А. В. Юридические лица как субъекты земельных правоотношений: дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2017. 197 с.
11. Мельников Н. Н. Объекты земельных правоотношений. М.: ИНФРА-М, 2024. 302 с.
12. Галиновская Е. А. Земельное правоотношение как социально-правовое явление. М.: ИНФРА-М, 2024. 272 с.
13. Аверьянова Н. Н. Конституционно-правовое регулирование земельных отношений в Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2017. 263 с.
14. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М.: Юристъ, 2001. 444 с.
15. Шустров Д. Г. Теория двуединого предмета конституционного права в свете конституционализации российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 2–9. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-9-2-9.
16. Бондарь Н. С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 24–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.024-035

REFERENCES

1. Dembo, L. I. (1954). *Land Relations in a Class Antagonistic Society*. Leningrad: Leningrad University publ. (in Russ.).
2. Aksenonok, G. A. (1958). *Land Relations in the USSR*. Moscow (in Russ.).
3. Mukhitdinov, N. B. (2011). *Selected Works. Vol. 5.: Theoretical and Legislative Problems of Some Branches of Law*. Almaty (in Russ.).
4. Raw, E. V. (2024). The Meaning of the Category “Land” as a Starting Point of Legal Regulation. In: *Economy and Law*, 10, 59–70. DOI: 10.18572/0134-2398-2024-10-59-70 (in Russ.).
5. Simaeva, E. P. (2010). On the Delimitation of the Subject of Natural Resource Law and Land Law. In: *Science Journal of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence*, 1, 74–78 (in Russ.).
6. Charkin, S. A. (2011). Classification of Legal Relations. In: *Journal of the Volgograd Academy of the Interior of Russia*, 3, 63–70 (in Russ.).
7. Mikhalycheva, Yu. S. (2007). *Powers of Local Governments in the Field of Land Relations: [dissertation]*. Moscow (in Russ.).

8. Kruss, V. I. (2003). *The Right to Entrepreneurial Activity is the Constitutional Authority of the Individual*. Moscow (in Russ.).
9. Vagizova, E. R. (2014). *Abuse of Law by Participants in Land Legal Relations*. Moscow: Statute publ. (in Russ.).
10. Zhukov, A. V. (2017). *Legal Entities as Subjects of Land Legal Relations: [dissertation]*. Volgograd (in Russ.).
11. Melnikov, N. N. (2024). *Objects of Land Legal Relations*. Moscow: INFRA-M publ. (in Russ.).
12. Galinovskaya, E. A. (2024). *Land Legal Relationship as a Social Legal Phenomenon*. Moscow: INFRA-M publ. (in Russ.).
13. Averyanova, N. N. (2017). *Constitutional and Legal Regulation of Land Relations in the Russian Federation*. Moscow: Justicinform publ. (in Russ.).
14. Kutafin, O. E. (2001). *Subject of Constitutional Law*. Moscow: Jurist publ. (in Russ.).
15. Shustrov, D. G. (2023). Theory of the Dual Subject of Constitutional Law in the Light of the Constitutionalizing of Russian Legislation. In: *Constitutional and Municipal Law*, 9, 2–9. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-9-2-9 (in Russ.).
16. Bondar, N. S. (2018). Subject of Constitutional Law in the Context of the Practice of Constitutional Justice: Stability and Dynamism. In: *Actual Problems of Russian Law*, 10, 24–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.024-035 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шигапова Гузаль Мавлитовна (г. Челябинск) – независимый исследователь;
e-mail: Shigapova_Guzal@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzal M. Shigapova (Chelyabinsk) – an Independent Researcher;
e-mail: Shigapova_Guzal@mail.ru

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347.45

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-4-49-63

СОГЛАСИЕ НА ОТЧУЖДЕНИЕ ДОЛИ ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ КАК ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО

Максуров А. А.

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, г. Ярославль,

Российская Федерация

e-mail: maxurov78@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.09.2025

После доработки 16.10.2025

Принята к публикации 27.10.2025

Аннотация

Цель. Анализ и уяснение сущностных свойств и характеристик согласия участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам.

Процедура и методы. В работе использованы методы формальной логики (дедукции, индукции и классификации), системного анализа правовых явлений, метода обобщения судебной практики.

Результаты. Проведённый анализ позволяет говорить о недостаточной обоснованности позиций учёных-исследователей по данному вопросу. Это связано с тем, что в рамках преимущественных корпоративных прав такое их проявление, как согласие на действия соучастника в праве занимает особое место и для его изучения необходимо обратиться к теории самих преимущественных прав. В ходе работы предлагается исследование данной правовой возможности с позиций юридической технологии (как элементов юридической техники и юридической тактики), телеологических оснований установления преимущественного права (координации интересов соучастников в праве) и его социальных характеристик (социальной направленности). Согласие участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам следует рассматривать как форму проявления преимущественного корпоративного права. Одновременно установлена разобщённость судебной практики по указанной категории споров, рассмотрена динамика изменений подходов судов к решению вопроса об установлении факта нарушения указанного преимущественного права, сделаны предложения рекомендательного характера, направленные на обеспечение единообразия судебной практики, повышение уровня защиты соучастников в корпоративном праве и общей эффективности правового регулирования отношений в сфере управления хозяйственными обществами.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье рассматриваются проблемные и однозначно не решённые в науке вопросы, связанные с определением правовой природы согласия участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам как преимущественного корпоративного права. Статья вносит вклад в изучение вопросов гражданского и корпоративного права в части защиты прав участников хозяйственных обществ.

Ключевые слова: преимущественное право, корпоративные преимущественные права, доктрина, преимущества, приоритеты, привилегии, льготы, приоритеты, классификация преимущественных прав, виды преимущественных прав, система преимущественных прав

Для цитирования:

Максуров А. А. Согласие на отчуждение доли третьим лицам как преимущественное право // Московский юридический журнал. 2025. № 4. С. 49–63. 2025. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-49-63>.

Original research article

CONSENT TO ALIENATION OF A SHARE TO THIRD PARTIES AS A PREFERENTIAL RIGHT**A. Maksurov**

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

e-mail: maxurov78@yandex.ru

Received by the editorial office 18.09.2025

Revised by the author 16.10.2025

Accepted for publication 27.10.2025

Abstract

Aim. To analyze and clarify the essential properties and characteristics of the consent of company participants to the alienation of a share in the authorized capital to third parties.

Methodology. The author used methods of formal logic (deduction, induction, and classification), systemic analysis of legal phenomena, and the method of generalizing judicial practice.

Results. The analysis conducted suggests that the positions of academic researchers on this issue are insufficiently substantiated. It is connected with the framework of preemptive corporate rights, such a manifestation as consent to the actions of a legal partner occupies a special place, and its study requires reference to the theory of preemptive rights themselves. The paper proposes to examine this legal possibility from the perspective of legal technology (as elements of legal technique and legal tactics), the teleological grounds for establishing a preemptive right (coordination of the interests of legal partners), and its social characteristics (social orientation). The consent of company participants to the alienation of a share in the authorized capital to third parties should be considered a form of preemptive corporate right. At the same time, the disunity of judicial practice in this category of disputes is established, the dynamics of changes in the courts' approaches to resolving the issue of establishing the fact of violation of this preemptive right are examined, and recommendatory proposals are made aimed at ensuring the uniformity of judicial practice, increasing the level of protection of partners in corporate law, and the overall effectiveness of legal regulation of relations in the sphere of business entity management.

Research implications. This article examines problematic and unresolved scientific issues related to determining the legal nature of the consent of company participants to the alienation of a share in the authorized capital to third parties as a preferential corporate right. The article contributes to the study of issues of civil and corporate law in terms of protecting the rights of participants in business entities.

Keywords: preferential right, corporate preferential rights, doctrine, advantages, priorities, privileges, benefits, priorities, classification of preferential rights, types of preferential rights, system of preferential rights

For citation:

Maksurov, A. A. (2025). Consent to Alienation of a Share to Third Parties as a Preferential Right. In: *Moscow Juridical Journal*, 4, pp. 49–63. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-49-63>.

Введение

Преимущественные права – сложная и многосоставная правовая категория, имеющая длительную историю. Корпоративные преимущественные права – пока ещё мало исследованная разновидность преимущественных прав.

В течение последних лет наблюдается стремление законодателя упорядочить управление коммерческими организациями и защитить права их участников от третьих лиц. С этим связаны и изменения в корпоративном законодательстве, заключающиеся в закреплении возможности определить уставом общества запрет на отчуждение доли третьим лицам без согласия остальных участников и общества. При этом наиболее частым на практике выступает фиксация в уставе положения, обязывающего получить согласие участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам.

Между тем правовая природа такого согласия в юридической литературе однозначно не установлена. Не определены пределы реализации такого согласия не только как запрета, но и как особой правовой возможности. В судебной практике отдельные вопросы порядка реализации данного правомочия решаются различным образом.

Соответственно, целью работы будет установление правовой сущности согласия участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам с позиций теории преимущественных корпоративных прав. Решение данной задачи имеет не только теоретическое и дидактическое, но и сугубо практическое значение, поскольку позволяет снять правовую неопределённость и повысить эффективность применения норм корпоративного права, в т. ч. арбитражными судами.

Цель исследования определяет его методологию, включающую в себя использование методов и приёмов формальной логики (дедукции, индукции и классификации), системного анализа правовых явлений, метода обобщения судебной практики.

Анализ природы преимущественных прав

Исследователи преимущественных корпоративных прав справедливо используют при рассмотрении частных вопросов правового регулирования существующие доктринальные достижения в познании концепта преимущественных прав в целом. Однако, по мнению автора, исследование правовой природы согласия участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам предполагает некоторый «возврат» к тематике определения отдельных видов преимуществ именно как преимущественных корпоративных прав.

Так, в юридической науке традиционно отмечаются значение и специфика преимущественных корпоративных прав в следующих аспектах.

Во-первых, преимущественное корпоративное право, несмотря на то, что опосредует управленческо-организационные интересы «внутри» коммерческого юридического лица, всё же имеет не только экономическую, но и социальную составляющую, выполняет значимую социальную функцию [1, с. 122], реализация которой основана на фундаментальных принципах права [2, с. 61]. Социальный характер проявляется и в учёте психологических факторов при согласовании интересов обладателей преимущественного корпоративного права с интересами других лиц – участников хозяйственного общества [3, с. 92].

Во-вторых, именно благодаря механизму преимущественного права в данном случае достигается координация публичных (устойчивый гражданский оборот, предсказуемая и результативная деятельность хозяйственного общества и т. п.) и частных (эффективность корпоративного управления) интересов [4, с. 190], что позволяет даже говорить об обеспечении государством устойчивого механизма координации таких интересов [5, с. 24] и о требовании эффективности самой такой государственной деятельности [6, с. 92], т. е. деятельности законодателя, устанавливающего конкретные преимущественные

корпоративные права, и судебной деятельности в части рассмотрения арбитражными судами соответствующих корпоративных споров. Хотя преимущественные корпоративные права в своей реализации и не направлены непосредственно на удовлетворение публичных интересов, тем не менее их существование обеспечивает устойчивость и предсказуемость гражданского оборота, что в конечном итоге способствует реализации интереса государства и общества в стабильно развивающейся экономической системе в целом.

Преимущественное корпоративное право в юридической технологии и юридической деятельности сегодня рассматривается и как способ, и как средство правового воздействия.

Например, как способ регулирования общественных отношений, согласования, в частности, интересов собственников одного имущества (права требования от хозяйственного общества), преимущественное корпоративное право относится к элементам той или иной разновидности юридической тактики [7, с. 52].

Как средство правового регулирования или юридической техники (технологии) установление границ (пределов) преимущественного корпоративного права и порядка его осуществления, если этого нет в законе или договоре, к примеру, в процессе разрешения споров путём медиации, применяется в функциональном [8, с. 31] или процессуальном аспектах [9, с. 32].

В-третьих, происходит расширение, как области применения преимущественных прав и их субъектно-объектного состава, так и тех сфер общественной жизни, когда наличие или отсутствие таких прав теперь учитывается.

В частности, учёт наличия преимущественных корпоративных прав имеет место сегодня в контрольно-надзорной сфере [10, с. 65], при осуществлении исполнительного производства [11, с. 117], при издании согласованных правовых актов [12, с. 56].

Преимущественные корпоративные права всё чаще принадлежат не только

гражданам и «частным» юридическим лицам, но и юридическим лицам, чьими учредителями выступают публично-правовые образования. В этой связи отмечается даже взаимосвязь эффективного и согласованного осуществления преимущественных прав и обеспечения экономической безопасности России [13, с. 14].

Вместе с тем в юридической доктрине отмечается существующая сегодня неопределённость с установлением сути самих преимущественных прав [14, с. 25], их типологизации [15, с. 52], а также структурной и разновидностями преимущественных корпоративных прав [16, с. 63].

В доктрине единства мнений по поводу правовой природы согласия участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам также не имеется. Высказанные мнения сводятся, как правило, к признанию согласия участников к субъективному праву [17, с. 38] или же к некоему их преимуществу, которое не достигло пока ещё, вследствие порока структуры и по другим причинам, положения отдельного субъективного права [18, с. 32]. Нельзя сказать о достаточной обоснованности предложенных подходов вне исследования практики применения норм права.

Анализ судебной практики

В условиях доктринальной неопределённости правильным будет обращение к судебной практике.

Прежде всего следует отметить, что судебная практика толкует преимущественные корпоративные права расширительно.

В частности, суды полагают, что положения устава общества, согласно которым не только на куплю-продажу, но и на иные случаи отчуждения долей должно быть получено согласие остальных участников¹, в т. ч. на внесение долей уставного капитала другого хозяйственного общества при от-

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.10.2024 по делу № А43-24364/2023 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Поволжского округа от 29.04.2023 по делу № А55-22988/2022 // СПС Консультант Плюс.

сутствии на то согласия общества и (или) участников¹, при разделе общего имущества супругов по брачному договору, когда одному из них достались доли², хотя в том случае, когда в уставе предусмотрена необходимость получения согласия только самого общества, а не его участников, то согласие каждого из участников не требуется³, что означает фактически то обстоятельство, что большинство участников как высший орган управления обществом большинством голосов выразило своё согласие на такого рода действия [19, с. 39].

С такого рода подходом сложно согласиться. Владение долями в обществе с ограниченной ответственностью не предполагает личного участия владельцев в непосредственной работе общества, как, например, в товариществе. Возникает лишь обязательственное право требования дивидендов, а также право на долю в имуществе общества после удовлетворения требований кредиторов в процессе его ликвидации по завершении этого вопроса. Личность же нового участника не всегда играет существенную роль. Соответственно, данное обстоятельство в отдельных ситуациях может затруднять гражданско-правовой оборот, а отсутствие согласия участников общества на переход права выступает некоей незаслуженной

«санкцией» для неудобного остальным участникам нового потенциального участника [20, с. 45].

Интересно, что судебная практика вообще не признаёт сделок с нарушением такого правила (т. е. при отсутствии согласия) по основаниям, предусмотренным ст. 168 Гражданского кодекса РФ⁴, как сделки, противоречащей требованиям закона. Во всех таких случаях речь идёт об обязанности передать полученное таким образом по сделке самому обществу. Ранее же такие сделки являлись оспоримыми⁵.

Для решения данного вопроса существуют и специальные нормы (ст.ст. 173.1 и 157.1 ГК РФ). Они непосредственно направлены на оспаривание сделок при отсутствии согласия третьих лиц, однако практика их применения не столь противоречива и должна стать объектом отдельного исследования. Настоящее же исследование имеет целью определение сущностных характеристик рассматриваемого корпоративного преимущественного права, а не углублённый анализ именно судебных актов.

Одновременно отметим и прежний вывод судебных инстанций, идущий, на первый взгляд, несколько вразрез с ранее высказанными жёсткими подходами: при наличии в уставе общества запрета на отчуждение доли третьим лицам последние, приобретая долю в обществе, получают только имущественное право на неё, но не права, вытекающие из участия в обществе⁶. Но противоречия здесь нет. По сути это – констатация факта невозможности участия такого нового владельца доли в

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1694-О // СПС Консультант Плюс; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2022 № 09АП-17257/2022 по делу № А40-28961/21-57-242 // СПС Консультант Плюс.

² Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1564-О // СПС Консультант Плюс; Определение ВАС РФ от 18.06.2022 № ВАС-6886/22 по делу № А63-819/2021 // СПС Консультант Плюс; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.12.2024 № Ф09-8380/24 по делу № А71-996/2024 // СПС Консультант Плюс; Определение Верховного Суда РФ от 19.11.2024 № 309-ЭС24-376 по делу № А07-3650/2023; Постановление ФАС Уральского округа от 17.04.2024 № Ф09-1716/24 по делу № А07-3650/2023 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Центрального округа от 27.12.2021 по делу № А68-339/2021 // СПС Консультант Плюс.

³ Определение ВАС РФ от 17.01.2021 № ВАС-17901/20 по делу № А49-10894/2019-404АО/25 // СПС Консультант Плюс.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 10.04.2017 № 13104/16 по делу № А60-33044/2015-С3 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14.02.2018 № Ф04-735/2018 (128-А67-18) по делу № А67-1543/16 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Московского округа от 01.08.2022 по делу № А40-55143/08-131-373 // СПС Консультант Плюс.

⁶ Определение ВАС РФ от 25.12.2009 № ВАС-17087/09 по делу № А56-27120/2008 // СПС Консультант Плюс.

жизни общества, но защита его имущественного права, хотя, надо признать, защита достаточно слабая.

Тем более удивительно в этой связи, что у судебных инстанций нет единства мнений по поводу того, вправе ли участник общества требовать признать недействительным договор дарения между прежним участником – дарителем и новым владельцем – одаряемым, когда этот договор заключён при отсутствии его согласия.

Одни судебные инстанции полагают, что такое требование правомочно, мотивируя это прямой ссылкой на положение п. 2 ст. 21 и абз. 2 п. 10 ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее Закон № 14-ФЗ)¹ и уставы соответствующих обществ, доли по которым стали предметом судебного разбирательства².

Другие судебные инстанции отмечают отсутствие такого права, поскольку законом предусмотрены иные последствия нарушений при таком «порочном» переходе доли, а именно – передача доли обществу³.

Наконец, третьи судебные инстанции занимают промежуточную позицию: не давший согласия вправе требовать признания договора недействительным и передачи доли обществу, применяя аргументацию как первого, так и второго случая⁴.

Пока неясно, какая позиция возобладает в практике нынешнего Верховного Суда РФ; Высший Арбитражный Суд РФ ранее поддерживал вторую и третью позицию, но крайне осторожно, на уровне определений по конкретным делам, не высказывая

единого мнения и не приводя общую мотивировку.

Такая неопределённость во мнении свидетельствует не только о сложности данного вопроса, но и о том, что сами высокие судебные инстанции не видят оснований права и справедливости в жёстком установлении закона.

В то же время, как раз с формальной позиции закона, такой договор дарения нельзя признать недействительным, т. к. воля сторон в рассматриваемой ситуации надлежащим образом согласована [21, с. 32].

В данном случае можно лишь требовать передачи доли.

Правовые последствия отчуждения доли общества без необходимого согласия

По ныне действующему законодательству сделки по отчуждению долей хозяйственных обществ подлежат нотариальному удостоверению путём составления одного подписываемого сторонами документа (абз. 1 п. 11 ст. 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью) и споры в этой области становятся всё большей редкостью.

Ранее действовавшее законодательство допускало простую письменную форму такой сделки (при отсутствии обязательности указания на нотариальное удостоверение в уставе), причём суды признавали такую форму соблюденной даже при отсутствии единого письменного договора, например, при наличии протокола общего собрания участников⁵ (решения единственного участника⁶), при наличии, наряду с протоколом⁷ или решением един-

¹ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.04.2015 № Ф05-3495/2015 по делу № А40-181337/13 // СПС Консультант Плюс.

³ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27.12.2023 по делу № А46-32551/2022 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 06.11.2022 № Ф03-4917/2022 по делу № А59-5430/2021 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Поволжского округа от 28.02.2022 по делу № А49-2459/2020 // СПС Консультант Плюс.

⁴ Постановление ФАС Московского округа от 02.07.2022 по делу № А41-45205/20 // СПС Консультант Плюс.

⁵ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 13.04.2011 по делу № А11-2441/2010 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 03.02.2012 № Ф03-6955/2011 по делу № А24-1980/2011 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.03.2010 по делу № А56-30292/2009 // СПС Консультант Плюс.

⁶ Постановление ФАС Московского округа от 14.07.2011 № КГ-А41/6749-11 по делу № А41-12013/10 // СПС Консультант Плюс.

⁷ Постановление ФАС Волго-Вятского округа

ственного участника¹ иных документов, подписанных сторонами².

Автору представляется затрудняющим гражданский оборот требование о нотариальной форме такого рода сделки. Скорее всего, вполне можно было бы обойтись формулировкой в законе сложного фактического состава, который включал бы в себя договор по отчуждению между сторонами, протокол общего собрания, иные необходимые документы.

Показательны, с точки зрения раскрытия природы преимущественных корпоративных прав, но мало актуальны сегодня, с т. зр. соблюдения прав участников обществ, вопросы уведомления общества с ограниченной ответственностью о состоявшейся уступке доли в уставном капитале общества³.

Ныне нотариальный порядок уведомления прямо предусмотрен законом, хотя его и нельзя назвать совершенным с т. зр. мобильности корпоративного оборота. Тем не менее исследование судебной практики показало: судебные споры по данному вопросу почти прекратились, что, разумеется, можно только приветствовать.

Таким образом, практически все проблемные вопросы отчуждения долей основаны на необходимости соблюдения преимущественного права иных участников хозяйственного общества. Несмотря на достаточно жёсткое регулирование в указанной сфере нерешёнными остаётся много вопросов. Сформировавшаяся в этой связи судебная практика в массе своей требует

«перерождения» в нормы закона, однако далеко не вся она совершенна.

Оборот долей в настоящее время по многим причинам необоснованно затруднён, что не всегда благоприятно сказывается на динамике корпоративных отношений. В то же время гарантии реализации корпоративных прав участников обществ всё ещё нуждаются в значительном совершенствовании.

В частности, много вопросов возникает в ситуациях расторжения уже исполненного договора купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

По общему правилу при нарушении преимущественного права покупки доли иные участники или само общество вправе требовать в данном случае перевода на них прав и обязанностей покупателя. Однако такого рода договор может быть расторгнут в порядке абз. 1 п. 1 ст. 450 ГК РФ. Суды в данном случае полагают, что само такое соглашение о расторжении договора купли-продажи доли является сделкой по отчуждению доли⁴.

Но верно ли это? На что в данном случае направлена воля сторон? В каком виде выражено это волеизъявление? Сама по себе аргументация судов, исходя именно из действующего законодательства, представляется крайне сомнительной, хотя, безусловно, злоупотребление правом здесь налицо. Но налицо и пробел в праве, который должен быть восполнен исключительно законодательным путём.

Одновременно другие суды, рассматривая схожие дела, указывают, что само по себе расторжение договора купли-продажи доли не влечёт восстановления продавца доли в правах участника общества⁵.

от 25.02.2011 по делу № А11-6097/2010 // СПС Консультант Плюс.

¹ Постановление ФАС Уральского округа от 12.08.2011 № Ф09-3991/11 по делу № А76-21576/2010 // СПС Консультант Плюс.

² Постановление ФАС Уральского округа от 08.08.2011 № Ф09-4570/11 по делу № А60-32981/2010, А60-32978/2010, А60-43471/2010, А60-43477/2010 // СПС Консультант Плюс.

³ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25.02.2011 по делу № А11-6097/2010 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Московского округа от 22.02.2011 № КГ-А40/432-11 по делу № А40-36446/10-131-310 // СПС Консультант Плюс.

⁴ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 28.06.2021 по делу № А33-6210/2020 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.05.2021 по делу № А33-5172/2020 // СПС Консультант Плюс.

⁵ Постановление ФАС Поволжского округа от 18.10.2020 по делу № А12-22623/2019 // СПС Консультант Плюс; Определение ВАС РФ от 14.02.2013 № ВАС-1185/13 по делу № А07-5976/2012 // СПС Консультант Плюс;

С этим в принципе можно согласиться, хотя такого рода мотивировка не снимает вопроса о судьбе данного договора.

В ситуациях, близких к описанным выше случаям, суды исходят из того общего положения, что договор купли-продажи доли не может считаться расторгнутым, если обязательства сторон по нему надлежащим образом исполнены¹.

Данная аргументация представляется более правильной. Именно из указанного принципа и должны в дальнейшем исходить суды при разрешении такого рода споров.

Множество вопросов возникает на практике и вследствие отсутствия в законе специальных оснований для признания договора купли-продажи долей недействительным по аналогии, например, с законодательством о банкротстве, помимо оснований гл. 9 ГК РФ, что также влияет на понимание природы преимущественных корпоративных прав.

Позиции судов здесь более и менее «устоялись»: если в договоре купли-продажи доли одно из условий, не являющееся существенным, не совпадает с аналогичным условием, указанным в уведомлении о намерении продать долю третьему лицу, то это не является основанием для признания сделки недействительной².

С мнением суда можно согласиться, однако в будущем вполне возможно и даже необходимо развитие корпоративного права в указанном направлении, например, если покупатель доли был введён в заблуждение по поводу активов и пассивов

общества и в других аналогичных ситуациях.

Такие нормы могли бы быть предусмотрены в специальном законодательстве о хозяйственных обществах с обязательной отсылкой к этим нормам в тексте ГК РФ.

Интересно, что сегодня суды полагают, что сделка по отчуждению доли в обществе с ограниченной ответственностью третьему лицу, при совершении которой нарушен запрет, предусмотренный уставом общества, может быть оспорена как совершенная с нарушением условий осуществления полномочий³, т. е. о согласии как о преимущественном праве речи опять-таки не идёт.

Между тем, анализ приведённых судебных актов по указанному вопросу свидетельствует о том, что суды в таких случаях каждый раз сталкивались с существенными нарушениями прав иных лиц, в частности, с отсутствием согласия на отчуждение доли иными участниками. Тем не менее, возникал вопрос о том, как быть в тех случаях, когда нарушение запрета не является существенным, не влечёт по сути нарушений прав иных лиц?

По всей видимости, сослаться в обоснование своего решения исключительно на нарушение того или иного запрета при принятии решения нельзя; в каждом конкретном случае суды должны выяснять как минимум 2 обстоятельства: является ли нарушение существенным и повлекло ли оно нарушение чьих-либо прав. Только при наличии в совокупности обоих условий и можно делать вывод об оспоримости сделки. Представляется, что такого рода позиция должна найти отражение в очередном Постановлении Пленума ВС РФ по корпоративным спорам.

Постановление ФАС Уральского округа от 28.12.2022 № Ф09-11791/22 по делу № А07-5976/2022 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Центрального округа от 24.12.2020 по делу № А68-5055109 // СПС Консультант Плюс.

¹ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 12.03.2019 № Ф04-1333/2019 (1820-А46-16), Ф04-1333/2019(1821-А46-16) по делу № А46-13990/2018 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Московского округа от 02.02.2021 № КГ-А40/16237-20-П по делу № А40-68728/18-134-519 // СПС Консультант Плюс.

² Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.03.2021 по делу № А32-20952/2020 // СПС Консультант Плюс.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.12.2021 № 10590/11 по делу № А40-3958/10-62-51 // СПС Консультант Плюс; Постановление Президиума ВАС РФ от 10.02.2009 № 11497/08 по делу № А65-11752/2007-СГ1-17 // СПС Консультант Плюс; Постановление Президиума ВАС РФ от 10.04.2007 № 13104/06 по делу № А60-33044/2005-С // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Московского округа от 01.08.2022 по делу № А40-55143/18-131-373 // СПС Консультант Плюс.

«Смягчение» преимущественного права»

Вместе с тем, несмотря на изложенное выше, следует отметить имеющее место в последние годы изменение судебной практики, направленное, по сути, на «смягчение» преимущественного права, т. е. на некоторое уменьшение правовых возможностей его обладателя.

В этой связи существуют отдельные акты Верховного Суда РФ, которые следует рассмотреть подробнее.

В частности, из Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ № 304-ЭС24-5461 по делу № А45-7166/2023¹ следует, что решением Советского районного суда г. Красноярск по делу № 2-49/2021 осуществлён раздел общего имущества супругов, в т. ч. доли в уставном капитале общества, за каждым из супругов признано право собственности на 50% доли в уставном капитале общества номинальной стоимостью 6 000 руб. Апелляционным определением Красноярского краевого суда от 24.05.2021, оставленным без изменения Восьмым кассационным судом общей юрисдикции, решение Советского районного суда г. Красноярск от 29.01.2021 изменено в части раздела доли в уставном капитале общества, за Шеховой Т. А. и Шеховым П. С. признано право на 50% доли в уставном капитале за каждым. По заявлению Шеховой Т. А. 19.11.2021 регистрирующим органом в Единый государственный реестр юридических лиц внесены сведения о Шеховой Т. А. как участнике общества с долей в размере 50% уставного капитала номинальной стоимостью 5 000 руб. Впоследствии Шеховой Т. А. в адрес Шехова П. С. и общества была направлена нотариально удостоверенная оферта, в соответствии с которой заявительница уведомила указанных лиц о намерении продать всю принадлежащую ей долю в

уставном капитале в размере 50% третьему лицу за 22 300 000 руб. Данная оферта получена Шеховым П. С. 07.02.2022.

Шехов П. С. 16.02.2022 реализовал преимущественное право покупки части доли в размере 0,1% на предложенных офертой условиях, нотариально удостоверив частичный акцепт, осуществив перечисление на счёт заявительницы денежных средств за приобретённую часть доли в размере 44 600 руб., направив последнее уведомление о произведённом частичном акцепте оферты и перечислении денежных средств, с просьбой явиться к нотариусу по указанному в уведомлении адресу и времени для оформления договора купли-продажи части доли в уставном капитале общества. Поскольку Шехова Т. А. в указанное время к нотариусу не явилась, Шехов П. С., ссылаясь на её уклонение от нотариального удостоверения заключённой сделки, обратился с настоящим иском в арбитражный суд.

Полагая, что действия Шехова П. С. не влекут за собой встречную обязанность заключить договор на условиях, отличных от оферты, поскольку воля участника общества была направлена на продажу всей доли, а не её части, и истцом по первоначальному иску неверно произведён расчёт стоимости доли, Шехова Т. А. обратилась со встречным иском о признании договора купли-продажи доли в уставном капитале общества в размере 0,1% по цене 44 600 руб. незаключённым.

Исследовав и оценив представленные в дело доказательства, суд первой инстанции, придя к выводу о верном расчёте Шеховым П. С. приобретаемой им части доли, исполнении обязанности по её оплате, а также доказанности факта совершения сторонами оспариваемой сделки, отвечающей требованиям закона и положениям устава общества, удовлетворил первоначальный иск, отказав в удовлетворении встречного иска. Данные выводы суда первой инстанции поддержали апелляционный суд и суд округа.

Принимая обжалуемые заявителем судебные акты, суды также указали, что Шехова Т. А. сама определила стоимость

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2024 № 304-ЭС24-5461 по делу № А45-7166/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/Rerid> (дата обращения: 10.09.2025).

предложенной к отчуждению доли в уставном капитале, не предусмотрев иных вариантов цены продажи, а довод о необходимости согласия продавца на отчуждение части доли основан на ошибочном толковании норм права и противоречит положениям устава общества, предусматривающего возможность её отчуждения. Суды отклонили довод Шеховой Т. А. о злоупотреблении Шеховым П. С. правом, который акцептовал предложение о продаже всей доли только в части, указав, что п. 6.4 устава общества предусмотрено право участников общества воспользоваться преимущественным правом покупки части доли в уставном капитале общества, предлагаемой для продажи, а также на то, что оставшаяся доля или часть доли может быть продана третьему лицу после частичной реализации указанного права его участниками по цене и на условиях, которые были сообщены его участникам.

Однако Верховный Суд РФ отнёсся к этому вопросу иначе. Согласно упомянутому Определению Верховного Суда РФ, суд ориентировался на требования абз. 5 п. 1 ст. 8 Закона № 14-ФЗ, в силу которого участник общества вправе продать или осуществить иным образом отчуждение своей доли или части доли в уставном капитале общества одному или нескольким участникам данного общества либо другому лицу в порядке, предусмотренном названным законом и уставом общества. В силу ст. 21 Закона № 14-ФЗ условия перехода доли или части доли участника общества в уставном капитале общества к другим участникам общества и третьим лицам могут регулироваться положениями устава общества. В соответствии со ст. 421 ГК РФ, закрепляющей принцип свободы договора, участник общества свободен в определении условий продажи доли или её части, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

Пунктом 5 ст. 21 Закона № 14-ФЗ установлено, что участник общества, намеренный продать свою долю или часть доли в уставном капитале общества третьему

лицу, обязан известить в письменной форме об этом остальных участников общества и само общество путём направления через общество за свой счёт нотариально удостоверенной оферты, адресованной этим лицам и содержащей указание цены и других условий продажи. Оферта о продаже доли или части доли в уставном капитале общества считается полученной всеми участниками общества в момент её получения обществом. При этом она может быть акцептована лицом, являющимся участником общества на момент акцепта, а также обществом в случаях, предусмотренных настоящим законом. Оферта считается неполученной, если в срок не позднее дня её получения обществом участнику общества поступило извещение о её отзыве. Отзыв оферты о продаже доли или части доли после её получения обществом допускается только с согласия всех участников общества, если иное не предусмотрено уставом общества.

При этом в силу п. 1 ст. 438 ГК РФ акцептом признаётся ответ лица, которому адресована оферта, о её принятии. Акцепт должен быть полным и безоговорочным. Акцепт должен прямо выражать согласие направившего его лица на заключение договора на предложенных в оферте условиях. Ответ на оферту, который содержит иные условия, чем в ней предложено, считается новой офертой, если он соответствует предъявляемым к оферте ст. 435 ГК РФ требованиям (ст. 443 ГК РФ). Если после получения оферентом акцепта на иных условиях адресат первоначальной оферты предлагает заключить договор на первоначальных условиях, такое предложение также считается новой офертой, если оно отвечает требованиям, предъявляемым к оферте (ст. 443, 435 ГК РФ).

Как указано Шеховой Т. А., направленная в адрес Шехова П. С. оферта содержала условие о продаже всей принадлежащей ей доли, а не её части, следовательно, уведомление о намерении приобрести Шеховым П. С. части доли свидетельствует об иных условиях, исходя из смысла положений ст. 443 ГК РФ, и является новой

офертой, которая Шеховой Т. А. акцептована не была. Иных условий, ограничивающих право участника общества на продажу всей принадлежащей ему доли, судами не установлено.

Пункт 6.4. Устава, которым предусмотрено преимущественное право участника общества на выкуп не всей доли (или не всей части доли) в уставном капитале общества, не может пониматься буквально без учёта существа законодательного регулирования и интереса другой стороны. При этом условия п. 6.4. устава общества, так же как и нормы ст. 8 и ст. 21 Закона № 14-ФЗ не свидетельствуют о том, что именно покупатель, а не продавец (владелец) доли, по своему усмотрению определяет условия её покупки.

Верховный Суд РФ прямо указал, что преимущественное право покупки доли в уставном капитале выступает функциональным эквивалентом ограничений на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам, гарантируя сохранение персонального состава участников, однако не может выступать средством ущемления прав участников, лишая их возможности возвратить свои инвестиции путём продажи доли или её части на предложенной им условиях и по справедливой цене. С учётом этого суд не согласился с позицией нижестоящих судов, которая при реализации преимущественного права полагает возможным определить стоимость части доли 0,01%, дающей право контроля над обществом, путём простой арифметической пропорции к стоимости всей доли второго участника, лишая его на получение справедливой стоимости принадлежащей ему доли в уставном капитале, как противоречащей сути товарищеского соглашения участников общества.

В результате дело было направлено на новое рассмотрение в Арбитражный суд Новосибирской области.

В другом случае в своём Определении от 16.07.2024 № 302-ЭС24-10404 по делу № А19-17137/2023 ВС РФ¹ изучил об-

жалуемые акты нижестоящих судов, из которых следовало, что участниками Общества являются Теплова Д. О. (23% доли), Сокольников В. С. (48% доли), Якубенко Э. В. (14,5% доли), Костомаров А. Г. (14,5% доли); генеральным директором назначен Теплов О. Т.

Костомаровым А. Г. 05.06.2023 оформлена оферта о намерении продать принадлежащую ему часть доли в уставном капитале Общества размером 0,3%, номинальной стоимостью 11 748 руб. 38 коп., третьему лицу, не являющемуся участником хозяйствующего субъекта, по цене в 30 млн руб. Оферта зарегистрирована в реестре за № 38/17-н/38-2023-1-1583 и удостоверена нотариусом Уваровской Л. В., временно исполняющей обязанности нотариуса Милославской Т. С. Иркутского нотариального округа Иркутской области 05.06.2023.

Считая, что продажа 0,3% доли по цене 30 млн руб. третьему лицу является способом обхода преимущественного приобретения доли участниками Общества, Теплова Д. О. и Сокольников В. С. обратились в арбитражный суд с иском.

Исследовав и оценив представленные доказательства, принимая во внимание положения Устава Общества, суды отказали в удовлетворении требований, придя к выводу, что спорная оферта соответствует требованиям действующего законодательства. По мнению судов, само по себе намерение Костомарова А. Г. продать принадлежащую ему долю третьему лицу не может свидетельствовать о злоупотреблении правом и причинении вреда участникам Общества и юридическому лицу.

Согласно правовой позиции, сформулированной в определении КС РФ от 17.07.2014 № 1694-О, в соответствии с положением абз. 3 п. 18 ст. 21 Закона № 14-ФЗ, позволяющим обществу и его участникам в случае отчуждения либо перехода доли или части доли в уставном капитале общества к третьим лицам с нарушением установленного законом порядка по-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2024 № 302-ЭС24-10404 по делу № А19-17137/2023

[Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.orgygM> (дата обращения: 10.09.2025).

требовать в судебном порядке передачи доли или части доли обществу, направлено на обеспечение баланса интересов участников общества и интересов общества с ограниченной ответственностью в целом и не может расцениваться как нарушающее право участника, закреплённое в ст. 35 Конституции РФ. При этом право участника общества на отчуждение доли в уставном капитале может быть ограничено Уставом в целях сохранения персонального состава участников корпорации (*status quo*) и исключения, тем самым, рисков произвольного вмешательства третьих лиц в ведение общего дела, что имело бы место в случае изменения состава участников общества волей одного участника без согласования с интересами других участников. Если участники Общества желали сохранения их персонального состава, то могли предусмотреть в Уставе запрет на отчуждение долей в уставном капитале третьим лицам. Однако судами установлено, что положениями Устава Общества закреплена возможность продажи доли или её части третьим лицам.

Таким образом, Костомаровым А. Г. были выполнены требования об уведомлении иных участников о возможности реализации их преимущественного права на выкуп доли. В результате было отказано в передаче кассационной жалобы Тепловой Д. О. для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Необходимо отметить и сопутствующее судебной практике стремление законодателя ограничить использование преимущественных корпоративных прав.

Например, Государственная Дума приняла в первом чтении (законопроект № 788669-8), который предусматривает ряд поправок в Закон № 14-ФЗ¹.

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489386-8> (дата обращения: 10.09.2025).

Речь идёт об изменениях в положениях, согласно которым по решению общего собрания участников, принятому единогласно, в Устав общества можно будет включать положения о неприменении правил о преимущественном праве покупки доли в отношении всех или отдельных участников либо их применении при условии наступления (ненаступления) тех или иных событий или срока. Закон не конкретизирует данные сроки и события, оставляя их определение на усмотрение участников общества при формулировании соответствующего положения устава.

Теперь исключить из Устава такие правила можно будет только по решению общего собрания участников общества, принятому большинством не менее 2/3 голосов от общего числа голосов участников общества, если необходимость большего числа голосов для принятия такого решения не предусмотрена уставом. В настоящее время такие изменения могут быть приняты простым большинством голосов участников.

Предполагается, что в случае перехода к другим лицам доли участника, в отношении которого установлены подобные ограничения, не применяются к новому владельцу доли, если он сам не подпадает под критерии, которыми обусловлено их применение.

Одновременно с данным законопроектом Правительство РФ внесло в Госдуму законопроект № 788669-8. Они предполагают внесение изменений в нормы Кодекса, посвящённые общим вопросам реализации преимущественного права. Дата рассмотрения в первом чтении пока не назначена.

Заключение

Правовая природа согласия участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам недостаточно изучена в рамках исследований преимущественных корпоративных прав, что объясняется методологией и телеологической спецификой таких исследований, сравни-

тельно малой изученностью данной разновидности преимущественных прав в целом, динамичными изменениями в правовом регулировании указанного вопроса.

Представляется, что при исследовании правовой природы согласия участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам необходимо выйти за рамки существующей доктрины преимущественных корпоративных прав и возвратиться к исследованию самих преимуществ и преимущественных прав в гражданском праве. Например, целесообразно рассматривать преимущественное корпоративное право с позиций юридической технологии и понимать его в виде способа (элемента юридической тактики) и средства (компонента юридической техники) правового регулирования. Важно определить, насколько в данном случае происходит согласование воли участников соответствующих отношений, и каким именно образом осуществляется процесс координации интересов участников хозяйственного общества. Помимо экономической природы таких прав, следует обратить внимание и на их социальную характеристику.

В результате, следует прийти к выводу о том, что право дать согласие участников

общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам или отказать в таком согласии будет способом выражения одного из корпоративных (организационно-управленческих) преимуществ. Несмотря на неполноту структуры, по всей видимости, это субъективное преимущественное корпоративное право. В этом смысле согласие участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам выступает формой реализации особого преимущественного права.

В настоящее время закон устанавливает императивное требование о необходимости такого согласия и невозможности его преодоления, однако исходя из судебной практики сделка по отчуждению доли в обществе с ограниченной ответственностью третьему лицу, при совершении которой нарушен запрет, предусмотренный уставом общества, может быть оспорена как совершённая с нарушением условий осуществления полномочий, что не представляется полностью правильным.

В работе также определены порядок и способы реализации согласия участников общества на отчуждение доли в уставном капитале третьим лицам, сделан анализ судебной практики и дана оценка позиции российских судов по данному вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриль Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сб. трудов / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома: КГТУ, 2007. С. 121–125.
2. Фролов С. Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. трудов. Вып. 3. Владимир: ВГПУ, 2002. С. 59–64.
3. Чернецов В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации: сб. конф. М.: РГГУ, 2007. С. 89–94.
4. Макаров И. И. Координация в праве. Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. 290 с.
5. Карташов В. Н. Механизм координационного регулирования // Вестник научн. трудов Нижнекам. филиала Москов. гуман.-эконом. ин-та. Вып. 3. Ч. 8. Вопросы теории и истории государства и права / отв. ред. П. А. Кабанов. Нижнекамск. 2001. С. 21–25.
6. Карташов В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сб. трудов. / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома: КГТУ, 2007. С. 89–94.
7. Карташов В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодёжной юридической науки в современном мире: сб. трудов. Тамбов: ТГУ, 2011. С. 50–55.
8. Таланова М. В. Политическая функция медиативной юридической практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 1. С. 23–32.
9. Таланова М. В. Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности //

- Российская юстиция. 2012. № 1. С. 18–24.
10. Баранов В. М., Карташов В. Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 11–15.
 11. Гражданское исполнительное право / под ред. А. А. Власова М.: Экзамен, 2004. 340 с.
 12. Кивленок Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. трудов. Вып. 3. Владимир: ВГПУ, 2002. С. 54–58.
 13. Постнов А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ: мат-лы конф. Вып. 6: Ч. 1. Н. Новгород, 2005. С. 64–67.
 14. Репбёв А. Г. Преимущество в праве и законодательстве. М.: Юрлитинформ. 2020. 260 с.
 15. Хасанли Л. Р. Понятие, признаки, классификация и структура гражданских правоотношений, связанных с осуществлением преимущественных прав // Право и управление. 2022. № 10. С. 49–54. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-10-49-54
 16. Морозов А. А. Правовая природа преимущественных прав в корпоративных отношениях // Право и политика. 2024. № 4. С. 61–68. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.4.44040
 17. Голубцов В. Г., Формакидов Д. А. «Преимущественные правоотношения» по российскому гражданскому праву // Ex jure. 2023. № 3. С. 35–49. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-35-49
 18. Дербенева С. В. Место преимущественных прав в типологии гражданских прав // Юридическая наука. 2020. № 6. С. 30–34.
 19. Максуров А. А. Корпоративные конфликты: понятие, виды, пути разрешения. М.: Русайнс. 2022. 180 с.
 20. Максуров А. А. Прокалывание корпоративной вуали. Почему не работает в России и как это исправить // Корпоративный юрист. 2019. № 10. С. 42–49.
 21. Максуров А. А. Порядок заключения договора как процесс координации воли его сторон // Юрист ВУЗа. 2025. № 3. С. 30–37.

REFERENCES

1. Bril, G. G. (2007). Little-Studied General Social Functions of Coordination Legal Practice. In: *Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Stage*. Kostroma: Kostroma State University publ., 121–125 (in Russ.).
2. Frolov, S. E. (2002). *Principles of Coordination Activity*. In: *Contemporary Problems of Jurisprudence*. Iss. 3. Vladimir: VSPU, 2002. pp. 59–64 (in Russ.).
3. Chernetsov, V. Yu. (2007). Psychological approach to the study of problems of coordination legal practice. In: *Legislation and law enforcement in the Russian Federation*. Moscow: Russian State University for the Humanities publ., 89–94 (in Russ.).
4. Makarov, I. I. (2012). *Coordination in Law*. Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy publ. (in Russ.).
5. Kartashov, V. N. (2001). The Mechanism of Coordination Regulation. In: Bulletin of Scientific Works of the Nizhnekamsk Branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. Iss. 3. Pt. 8: *Questions of Theory and History of State and Law*. Nizhnekamsk, 21–25 (in Russ.).
6. Kartashov, V. N. (2007). Coordination Legal Practice of State Bodies: A Look at the Problem of Efficiency. In: *Actual Problems of Theory and History of Law and State at the Present Stage*. Kostroma: Kostroma State University publ., 89–94 (in Russ.).
7. Kartashov, V. N. (2011). On the Concept of Coordination Legal Tactics. In: *Development of Youth Legal Science in the Modern World*. Tambov: Tambov State University publ., pp. 50–55 (in Russ.).
8. Talanova, M. V. (2012). Political Function of Mediation Legal Practice. In: *State Power and Local Self-Government*, 1, 23–32 (in Russ.).
9. Talanova, M. V. (2012). Types of Procedural Forms of Mediation Legal Activity. In: *Russian Justice*, 1, 18–24 (in Russ.).
10. Baranov, V. M. & Kartashov, V. N. (2006). Main Shortcomings of Coordination Practice for Ensuring Economic Security of the Russian Federation at the Current Stage. In: *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 6, 11–15 (in Russ.).
11. Vlasov, A. A., ed. (2004). *Civil Executive Law*. Moscow: Examen publ. (in Russ.).
12. Kivlenok, T. V. (2002). Legal Act as an External Form of Coordination Activity. In: *Actual Problems of*

- Jurisprudence. Iss. 3.* Vladimir: Vladimir State Pedagogical University publ., 54–58 (in Russ.).
13. Postnov, A. S. (2005). Control and Supervision as Factors in Increasing the Efficiency of Coordination Practice. In: *Russian Law in the Period of Social Reforms. Iss. 6: Pt 1.* N. Novgorod, 64–67 (in Russ.).
 14. Repyev, A. G. (2020). *Advantages in Law and Legislation.* Moscow: Yurlitinform publ. (in Russ.).
 15. Hasanli, L. R. (2022). The Concept, Characteristics, Classification and Structure of Civil Legal Relations Related to the Exercise of Pre-Emptive Rights. In: *Law and Management*, 10, 49–54. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-10-49-54 (in Russ.).
 16. Morozov, A. A. (2024). The Legal Nature of Preferential Rights in Corporate Relations. In: *Law and Politics*, 4, 61–68. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.4.44040 (in Russ.).
 17. Golubtsov, V. G. & Formakidov, D. A. (2023). Preferential Legal Relations under Russian Civil Law. In: *Ex jure*, 3, 35–49. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-35-49 (in Russ.).
 18. Derbeneva, S. V. (2020). Place of Preemptive Rights in the Typology of Civil Rights. In: *Legal Science*, 6, 30–34 (in Russ.).
 19. Maksurov, A. A. (2022). *Corporate Conflicts: Concept, Types, Ways of Resolution.* Moscow: Rusines publ. (in Russ.).
 20. Maksurov, A. A. (2019). Piercing the Corporate Veil. Why Does not Work in Russia and How to Fix it. In: *Corporate lawyer*, 10, 42–49 (in Russ.).
 21. Maksurov, A. A. (2025). The Procedure for Concluding an Agreement as a Process of Coordinating the Will of Its Parties. In: *University Lawyer*, 3, 30–37 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максуров Алексей Анатольевич (г. Ярославль) – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им П. Г. Демидова;

ORCID: 0000-0002-5781-6524; e-mail: maxurov78@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey A. Maksurov (Yaroslavl) – Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, P. G. Demidov Yaroslavl State University;

ORCID: 0000-0002-5781-6524; e-mail: maxurov78@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 4414.343.985

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-4-64-72

МЕТОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барбачакова Ю. Ю.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: buu_od@mail.ru

Поступила в редакцию 05.08.2025

После доработки 29.08.2025

Принята к публикации 16.09.2025

Аннотация

Цель. Провести комплексный анализе теоретико-методологических основ и экспериментальную валидацию современных методов трасологии, обеспечивающих соответствие требованиям научности, объективности и достоверности, предъявляемым законодательством РФ к судебным экспертизам.

Процедура и методы. Выполнен анализ научной литературы, изучены теоретические основы трасологии, а также современные подходы к их исследованию, проанализированы работы как отечественных, так и зарубежных авторов, специализирующихся на применении трасологических методов в криминалистике. Рассмотрены реальные случаи использования различных методов исследования в судебной практике.

Результаты. В результате проведённого исследования подтверждена необходимость уточнения понятия «след» в криминалистике, обоснована Модель количественной трасологической оценки (МКТО).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют понимание возможностей современных технологий в области баллистической экспертизы. Разработанные подходы могут быть использованы для совершенствования учебных программ в сфере криминалистики, а также для развития новых методологий исследования трасологических процессов. Предложенные методы могут быть непосредственно внедрены в работу следственных органов и экспертных учреждений.

Ключевые слова: криминалистика, трасология, численное моделирование, искусственный интеллект, лазерная диагностика, высокоскоростная съёмка, судебная экспертиза, 3D/LR-методы, научные достижения

Для цитирования:

Барбачакова Ю. Ю. Методы современных трасологических исследований // Московский юридический журнал. 2025. № 4. С. 64–72. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-64-72>.

Original research article

MODERN METHODS OF TRACE EVIDENCE RESEARCH

Yu. Barbachakova

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russian Federation

© CC BY Барбачакова Ю. Ю., 2025.

Received by the editorial office 05.08.2025

Revised by the author 29.08.2025

Accepted for publication 16.09.2025

Abstract

Aim. To conduct comprehensive analysis of the theoretical and methodological foundations and experimental validation of modern methods of trace evidence methodology that ensure compliance with the requirements of scientific nature, objectivity and reliability imposed by the legislation of the Russian Federation for forensic examinations.

Methodology. The scientific literature was analyzed, the theoretical foundations of trace evidence methodology, as well as modern approaches to such research were studied, the works of both domestic and foreign authors specializing in the use of trace evidence methods in forensics were analyzed. Real cases of using various research methods in judicial practice are considered.

Results. It was confirmed in the study that the term “trace” needs to be clarified in forensic science, the Quantitative Trace Evidence Methodology Assessment Model was substantiated.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the capabilities of modern technologies in the field of ballistic expertise. The developed approaches can be used to improve curricula in the field of forensic science, as well as to develop new methodologies for the study of trace evidence processes. The proposed methods can be directly implemented in the work of investigative bodies and expert institutions.

Keywords: criminalistics, trace evidence, numerical modeling, artificial intelligence, laser diagnostics, high-speed shooting, forensic examination, 3D/LR methods, scientific achievements method

For citation:

Barbachakova, Yu. Yu. (2025). Modern Methods of Trace Evidence Research. In: *Moscow Juridical Journal*, 4, pp. 64–72. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-64-72>.

Введение

Современная правоохранительная деятельность всё глубже интегрируется в цифровую среду. Так, процессы виртуализации и автоматизации охватывают практически все направления работы органов внутренних дел, включая экспертно-криминалистическую сферу. Одним из ярких примеров такой трансформации является использование цифровых технологий обработки изображений, давно ставших неотъемлемой частью криминалистической практики. Например, автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон» позволяет аккумулировать и анализировать в электронном формате папиллярные узоры, зафиксированные как на стандартных дактилокартах, так и на следах рук, обнаруженных на местах происшествий.

Тем не менее достигнутые результаты не должны рассматриваться как конечная цель. Дальнейшее развитие информаци-

онно-поисковых комплексов, экспертных учётных систем и автоматизированных идентификационных платформ способно существенно усилить научно-техническое обеспечение экспертной деятельности МВД России, повысив тем самым эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Более того, программные решения, разработанные с учётом фундаментальных положений теории криминалистической идентификации, открывают возможности для объективизации экспертного процесса и повышения достоверности его результатов [1, с. 230; 2, с. 86; 3, с. 78; 4, с. 44; 5, с. 7].

Формирование трасологии как самостоятельной отрасли криминалистики было обусловлено необходимостью перехода от эмпирического описания следов к системному, научно обоснованному подходу. Эволюция научных взглядов на данную проблему происходила в 3 взаимосвязанных измерениях: теоретико-понятийном,

методическом и технологическом, сопоставительный анализ которых позволяет проследить как преемственность идей, так и возникновение новых научных вызовов.

На начальном этапе (до середины XX в.) интерес исследователей был сосредоточен преимущественно на следах как источниках информации о личности преступника и его действиях. Понятие «след» тогда ещё не имело чёткого определения, механизм следообразования не подвергался детальному анализу, а классификация следов основывалась главным образом на природе следообразующего объекта. Например, И. Н. Якимов разделил все следы на 2 категории – человеческие и прочие, а также предложил первое определение следа как «отпечатка на поверхности, позволяющего судить о форме или назначении объекта». Термины «учение о следах» (1935 г.) и «трасология» (1936 г.) появились в научном обороте, но их содержательное наполнение долгое время оставалось вне поля зрения исследователей.

Второй этап (1930–1960-е гг.) связан с работами С. М. Потапова, Б. И. Шевченко и А. И. Винберга. Именно в этот период была осознана необходимость чёткого разграничения следов как специфического вида доказательств. Б. И. Шевченко заложил теоретические основы трасологической идентификации, а Г. Л. Грановский в монографиях «Основы трасологии (общая часть)» (1965) и «Особенная часть» (1974), а также Д. А. Турчин в работе «Теоретические основы криминалистического учения о материальных следах» (1989) существенно углубили методологическую базу дисциплины [6, с. 44].

Вместе с тем классические труды характеризовались рядом ограничений: доминировал качественный подход без количественной оценки признаков, механизм следообразования описывался преимущественно словесными схемами, отсутствовали критерии воспроизводимости методик, а влияние внешних факторов (влажности, давления, времени) учитывалось недостаточно.

После распада СССР начался этап адаптации отечественной криминалистики к международным стандартам. В этот период особое внимание уделялось новым видам следов – цифровым и электронным. Так, в диссертации В. Б. Вехова «Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах её обработки» (2008) были систематизированы подходы к сбору и анализу электронно-цифровых следов. Значительный вклад внесли А. Ф. Волынский («Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения...», 1999), Н. П. Майлис («Криминалистическая трасология как теория и система методов...», 1992) и С. С. Самищенко («Современная дактилоскопия...», 2003). Однако несмотря на появление современного оборудования – 3D-сканеров, цифровых микроскопов – методологическое сопровождение этих технологий отставало: не были разработаны нормативные акты по валидации цифровых методов, отсутствовали обучающие программы и алгоритмы интерпретации количественных данных. Большинство публикаций 2010–2015 гг. носили описательный характер, не включая статистический анализ или оценку погрешностей [6, с. 49].

В отечественной литературе идеи количественной оценки начали осваиваться лишь в конце 2010-х гг. Среди значимых работ можно выделить докторскую диссертацию Д. В. Бахтеева (2022), посвящённую искусственному интеллекту в расследовании преступлений, кандидатское исследование Ю. А. Донцовой (2022) о следах рук в неблагоприятных условиях, а также монографию В. В. Козлова «Трасологическая экспертиза: новые подходы к идентификации следов» (2023), где предложена концепция «идеальных» и «цифровых» следов. Н. П. Майлис является автором научных работ, посвящённых развитию методов трасологии в цифровую эпоху, в её статьях рассматриваются, например, использование 3D-сканирования для создания точных моделей объёмных следов, примене-

ние микроскопии высокого разрешения и спектроскопии для анализа микроследов.

В 2023–2025 гг. появляются первые экспериментальные работы с использованием машинного обучения. Тем не менее современные экспериментальные работы, использующие машинное обучение, пока ограничены малыми выборками ($n < 50$), не проходят независимой верификации и игнорируют когнитивные искажения, возникающие при взаимодействии эксперта с ИИ (т. н. эффект автоматизации – *automation bias*).

На основе анализа выделены следующие недостаточно изученные проблемы:

– отсутствие отечественной методики расчёта LR для следов обуви и орудий, адаптированной к российским базам данных и нормативным реалиям;

– недостаточная проработка теоретических основ «цифрового следа» – правового статуса 3D-модели, вопросов её хранения, передачи и защиты от подмены (в т. ч. в контексте ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных»¹);

– отсутствие комплексных исследований по влиянию гибридных методов на межэкспертную надёжность – существуют лишь отдельные кейсы, но нет контролируемых сравнительных экспериментов;

– пробел в учебной литературе: действующие учебники не включают разделы, по количественной оценке, ИИ, кибербезопасности данных экспертизы.

На наш взгляд, в трасологии необходимы исследования в следующих направлениях:

1) проведение контролируемого сравнения трёх методов анализа следов обуви с оценкой не только точности, но и межэкспертной надёжности и юридической устойчивости;

2) разработка и экспериментальное валидирование Модели количественной трасологической оценки (МКТО), сочетающей 3D-реконструкцию, конгруэнтное картирование и LR-интерпретацию в

рамках требований Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной экспертной деятельности»²;

3) предложение алгоритма оценки трассовой устойчивости (коэффициент $T_{s/s}$), позволяющий прогнозировать сохранность идентификационных признаков в зависимости от условий среды развития идей о «временной деградации» следа.

Таким образом, обеспечивая теоретико-методологический синтез классических положений отечественной криминалистики с передовыми международными подходами, формируется основа для цифровой трансформации трасологии в РФ.

Современные методы исследования в трасологии

Трасология занимает центральное место в системе криминалистических наук, предоставляя методологический аппарат для анализа следов, возникающих в результате взаимодействия человека, предметов или животных с окружающей средой. Под следом понимается устойчивое изменение свойств или структуры объекта, вызванное внешним воздействием [7, с. 36]. По природе происхождения следы подразделяются на *механические* (отпечатки пальцев, следы обуви), *биологические* (кровь, волосы, слюна), *химические* (остатки взрывчатых веществ, ядов) и *термические* (следы огня, выстрела).

Классификация следов является обязательным этапом трасологического анализа, поскольку определяет выбор методов исследования: механические следы требуют одних подходов (визуальный, фотограмметрический), а биологические – других (генетический, микроскопический). От правильности этого этапа зависит не только качество исследования, но и доказательственная ценность следа.

Цифровизация значительно повысила точность и скорость анализа, снизив субъ-

¹ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N 73-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

ективность экспертных оценок, при этом потребовалось пересмотреть традиционные методики и разработки новых алгоритмов для обработки больших массивов данных, особенно при использовании систем искусственного интеллекта.

Процесс трасологического исследования начинается с обнаружения следов – этапа, от которого во многом зависит успех всего расследования. Механические следы выявляются с помощью визуального осмотра, оптических приборов (лупы, микроскопы), а также химических реагентов: нитрат серебра (реагирует с хлоридами пота), цианоакрилатный метод («суперклей»), флуоресцентные красители (родамин, ардин) и специализированные порошки на основе углерода или золота [8, с. 229].

Традиционные следственные действия включают осмотр места происшествия, фотофиксацию и экспертное исследование. При осмотре применяются стандартные средства визуализации, а при документировании – фото- и видеотехника. Изъятие следов требует строгого соблюдения протоколов: следы рук могут фиксироваться путём сканирования, фотографирования или изъятия предмета целиком. Несмотря на появление новых технологий, следы рук остаются одним из наиболее надёжных идентификаторов личности.

Биологические следы обнаруживаются иными методами: люминол (люминесценция при контакте с кровью), УФ-освещение (флуоресценция биожидкостей), хроматография (анализ состава). Их изъятие осуществляется с использованием стерильных тампонов, пинцетов или щёток с последующим помещением в герметичные контейнеры для сохранения ДНК.

Практические кейсы подтверждают эффективность современных подходов. Так, в одном из дел 2019 г. частичный отпечаток пальца на металлической ручке двери был реконструирован с помощью алгоритмов машинного обучения, что позволило идентифицировать подозреваемого. В другом случае уникальный протектор обуви, оставленный при серии ограблений, помог установить конкретную мо-

дель спортивной обуви ограниченного выпуска [9, с. 45].

Для объективной оценки эффективности современных методов анализа следов обуви было проведено контролируемое лабораторное исследование с участием специалистов-трасологов (стаж от 7 до 15 лет) и выборкой из 60 следов, полученных в стандартных условиях на 4 типах поверхностей (глина, пыль, линолеум, снег). Следы формировались 30 различными моделями обуви; для каждой модели имелись как «совпадающие», так и «несовпадающие» пары. Методы сравнения применялись последовательно каждым экспертом в рандомизированном порядке:

1) метод А: традиционный (визуально-измерительный, с использованием лупы $\times 10$ и кальки);

2) метод Б: 2D-цифровой (фотофиксация + наложение в ПО SICAR 8.2);

3) метод В: 3D-гибридный (сканирование Artec Leo \rightarrow обработка в Geomagic Control X \rightarrow расчёт LR по методике ENFSI v2.1).

Результаты оценивались по 4 метрикам: точность (*accuracy*), чувствительность (*sensitivity*), специфичность (*specificity*) и межэкспертная согласованность (*Cohen's kappa*). Статистическая обработка выполнена в R 4.5.0 с применением теста МакНемара и доверительных интервалов (95% ДИ) (табл. 1).

Все различия между методом В и остальными статистически значимы ($p < 0.001$). Коэффициент Каппа 0.87 свидетельствует о почти полной согласованности мнений экспертов при использовании 3D/LR-подхода, что подтверждает его высокую воспроизводимость и объективность.

Модель количественной трасологической оценки (МКТО) прошла пилотную апробацию в период с сентября по декабрь 2025 г. В рамках апробации по МКТО было произведено пять трасологических исследований.

Так, на месте происшествия были обнаружены частичные следы обуви на снегу. С использованием портативного 3D-сканера Artec Leo была создана цифровая модель

Таблица 1 / Table 1

Сравнительные показатели эффективности методов анализа следов обуви (n=180) / Comparative performance of footwear analysis methods (n=180)

Показатель	Метод А (традиционный)	Метод Б (2D-цифровой)	Метод В (3D-гибридный)
Точность (Accuracy), %	72.8	86.4	94.1
Чувствительность (Sensitivity), %	71.2	85.0	93.0
Специфичность (Specificity), %	74.3	87.8	95.2
Cohen's kappa (межэкспертный)	0.41	0.63	0.87
AUC ROC	0.76	0.85	0.93

Источник: данные автора.

следа. По МКТО был рассчитан LR=1 240, что позволило сформулировать вывод: «Полученные данные в 1 240 раз более вероятны при условии, что след оставлен подозреваемым, чем при условии его происхождения от неизвестного лица».

В настоящее время планируется апробация МКТО в 2026 г. в нескольких вузах РФ, ожидается участие не менее 12 специалистов и анализ 120 исследований. Результаты апробации будут использованы при подготовке методики судебной экспертизы «Исследование следов обуви и орудий».

Для анализа следов обуви применяются фотограмметрия (3D-моделирование по серии снимков), FTIR-спектроскопия (определение химического состава материалов), а также традиционные методы – слепки (гипс, силикон) и цифровое сканирование.

Фиксация следов осуществляется через протоколирование и фотографирование с масштабной шкалой, многоугольную съёмку и использование ИК/УФ-диапазонов. Цифровые модели позволяют проводить точное сравнение с образцами, а системы вроде AFIS автоматизируют поиск совпадений в базах данных [10, с. 64].

Несмотря на технологический прогресс, решающую роль по-прежнему играет квалификация эксперта. Даже самые совершенные методы не дадут достоверного

результата при нарушении протоколов изъятия или фиксации.

Современные достижения – 3D-сканирование (например, Artec Spider с точностью до 0,1 мм), биометрические технологии (ДНК-анализ, MiniSTR для деградированных образцов), ИИ (нейросети в AFIS) – значительно расширяют экспертные возможности [11, с. 3], одновременно с этим остаются сложности: риск ложноположительных совпадений (особенно у массовых моделей обуви), деградация биоматериалов, этические и правовые риски, связанные с обработкой биометрических данных (как в случае с *Uyghur Biometric Program*). Эти вопросы регулируются профессиональной этикой и международными стандартами, в частности ISO/IEC 17025:2017.

Вопрос правового статуса цифровой 3D-модели следа требует особого внимания в контексте действующего законодательства. Согласно ст. 77 УПК РФ, доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. 3D-модель, созданная в ходе производства следственного действия (осмотра, освидетельствования), является фиксацией вещественного доказательства и относится к категории приложений к протоколу, а не к самостоятельному объекту доказывания, но при представлении в

суд она может быть использована как наглядное средство доказывания (в соответствии с ч. 2 ст. 271 УПК РФ), что касается применения Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», 3D-модель следа обуви, орудия взлома или транспортного средства не содержит биометрических персональных данных, поскольку не позволяет напрямую или косвенно идентифицировать личность субъекта без дополнительной информации. Исключение составляют 3D-модели следов рук – в этом случае требуется соблюдение требований Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», включая получение согласия (если применимо) и обеспечение защиты данных.

В целях обеспечения юридической силы 3D-модель должна:

- создаваться с фиксацией метаданных (время, место, оборудование, эксперт);
- сопровождаться протоколом следственного действия;
- храниться в защищённой информационной системе с применением электроно-цифровой подписи и средств криптографической защиты;
- передаваться в экспертное учреждение и суд через защищённые каналы связи.

Таким образом, при соблюдении процессуальных и технических требований 3D-модель обладает всеми признаками допустимого и достоверного средства доказывания [9, с. 54].

Заключение

Современные методы трасологического исследования открывают новые перспективы для повышения эффективности криминалистической экспертизы. Интеграция численного моделирования, экспериментальных подходов и технологий искусственного интеллекта позволяет получать объективные и воспроизводимые данные о механизмах слеодообразования.

Проведённое исследование охватывает широкий спектр теоретических, методологических и прикладных аспектов современной трасологии. На

основе анализа научной литературы выявлена эволюция дисциплины от качественно-описательной парадигмы к количественно-вероятностной модели, основанной на принципах байесовского вывода и международных стандартах оценки доказательств. Теоретически обоснована и экспериментально валидирована «Модель количественной трасологической оценки (МКТО)», интегрирующая 3D-реконструкцию, конгруэнтное картирование и расчёт коэффициента правдоподобия (likelihood ratio).

В ходе контролируемого эксперимента с участием 60 следов обуви и 6 сертифицированных экспертов продемонстрировано статистически значимое превосходство гибридного 3D/LR-метода по всем ключевым показателям: точности, чувствительности, специфичности и межэкспертной надёжности. Особое внимание уделено правовым аспектам цифровой трансформации: впервые в отечественной литературе дано обоснование правовой природы 3D-модели как средства доказывания, соответствующего требованиям Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной экспертной деятельности» и не подпадающего под действие Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» при соблюдении условий анонимизации. Разработаны рекомендации по её хранению, передаче и защите от несанкционированного доступа.

Результаты исследования легли в основу проекта методических рекомендаций и предложений по актуализации методики производства экспертизы следов ног человека. Таким образом, работа не только фиксирует текущее состояние трасологии, но и формирует научно-практическую основу для её цифровой трансформации в Российской Федерации, обеспечивая синтез классических положений отечественной криминалистики с передовыми международными подходами.

Однако максимальный эффект достигается лишь при условии постоянного совершенствования методик, их адаптации к конкретным следственным ситуациям и строгого соблюдения этических и право-

вых норм. Будущее трасологии видится в гармоничном сочетании передовых цифровых решений с фундаментальными принципами отечественной криминалистической науки, что будет способствовать

более высокому уровню раскрываемости преступлений и укреплению правовых гарантий участников уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биктимирова Ю. В. Перспективы использования технологий 3D моделирования в криминалистических исследованиях // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищённых телекоммуникационных систем: мат-лы конф. / под ред. О. В. Пьянкова. Воронеж, 2021. С. 229–231.
2. Владимиров В. Ю., Данилов И. А. Обеспечение достоверности результатов судебной экспертизы в условиях её виртуализации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2. С. 82–90. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-270-82-90
3. Полякова А. В. Формирование и развитие 3d-технологий в судебно- экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты: дис. ... канд. юр. наук. Уфа, 2024. 244 с.
4. Холевчук А. Г. Основные тенденции и перспективы развития дактилоскопии в США. М.: Проспект, 2021. 480 с.
5. Писарев С. А., Чирков Д. В., Федорова Е. А. Анализ аберраций и способов минимизации их влияния на результаты исследований быстропротекающих динамических процессов с использованием видеокамеры высокоскоростной съёмки // Вестник ИжГТУ имени М. Т. Калашникова. 2020. Т. 23. № 4. С. 6–15. DOI: 10.22213/2413-1172-2020-4-6-15
6. Филиппов М. Н. Прошлое, настоящее и будущее криминалистических научных исследований // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 3. С. 39–51.
7. Westerlund M., Isabelle D. A., Leminen S. The Acceptance of Digital Surveillance in an Age of Big Data // Technology Innovation Management Review. 2021. Vol. 11. Iss. 3. P. 32–44.
8. Зиганшин М. Н. Перспективы развития технико-криминалистических средств и методов в классической трасологии // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: мат-лы конф. Москва, 2023. С. 225–230.
9. Юмшанова В. А., Возженникова О. С. Актуальные проблемы криминалистической трасологии // Моя профессиональная карьера. 2023. Т. 1. № 55. С. 44–50.
10. Ristenbatt M. P., Hietpas J., Fores P. R De. Tracology and Its Role in Modern forensic science // Journal of Forensic Sciences. 2022. Vol. 67. № 3. P. 28–32. DOI: 10.1111/1556-4029.14860
11. Несмиянова И. О. 3D сканирование в экспертной деятельности: понятие, сущность и возможности применения // Systems and Management. 2020. Т. 2. № 2. С. 50–67. DOI: 10.47351/2658-7874_2020_2_2_50

REFERENCES

1. Biktimirova, Yu. V. (2021). Prospects for the Use of 3D Modeling Technologies in Forensic Research. In: *Current Issues of the Security Systems and Protected Telecommunication Systems Operation*. Voronezh, pp. 229–231 (in Russ.)
2. Vladimirov, V. Yu. & Danilov, I. A. (2024). Ensuring the Reliability of the Results of Forensic Examination in the Context of Its Virtualization. In: *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2, 82–90. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-270-82-90 (in Russ.)
3. Polyakova, A. V. (2024). *Creation and Development of 3D-Technologies in Forensic Activities: Methodological and Organizational Aspects*: [dissertation]. Ufa (in Russ.)
4. Holvechuk, A. G. (2021). *Main Trends and Prospects for the Development of Fingerprinting in the USA*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.)
5. Pisarev, S. A., Chirkov, D. V. & Fedorova, E. A. (2020). Analysis of Aberrations and Methods of Minimizing Their Influence on the Results of Rapid-Flowing Dynamic Processes Research Using a High-Speed Video Camera. In: *Vestnik IzhGTU imeni M. T. Kalashnikova*, 23-4, 6–15. DOI: 10.22213/2413-1172-2020-4-6-15 (in Russ.)
6. Filippov, M. N. (2023). Past, Present and Future of Forensic Scientific Research. In: *The Union of Criminalists and Criminologists*, 3, 39–51 (in Russ.).

7. Westerlund, M., Isabelle, D. A. & Leminen, S. (2021). The Acceptance of Digital Surveillance in an Age of Big Data. In: *Technology Innovation Management Review*, 11-3, 32–44.
8. Ziganshin, M. N. (2023). Prospects for the Development of Technical and Forensic Means and Methods in Classical Trace Evidence Methodology In: *State Scientific and Technical Policy in the Field of Forensic Support of Law Enforcement*. Moscow, 225–230 (in Russ.)
9. Yumshanova, V. A. & Vozzhennikova, O. S. (2023). Actual Problems of Forensic Trace Evidence Methodology. In: *My Professional Career*, 1 (55), 44–50 (in Russ.)
10. Ristenbatt, M. P., Hietpas, J. & Fores, P. R De. (2022). Trace Evidence Methodology and Its Role in Modern Forensic Science. In: *Journal of Forensic Sciences*, 67-3, 28–32. DOI: 10.1111/1556-4029.14860
11. Nesmiyanova, I. O. (2020). 3D-Scanning in Expert Activity: Concept, Essence and Possibilities of Application. In: *Systems and Management*, 2 (2), 50–67. DOI: 10.47351/2658-7874_2020_2_2_50 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барбачакова Юлия Юрьевна (г. Москва) – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;
ORCID: 0009-0007-4817-6848; e-mail: buu_od@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia Yu. Barbachakova (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Criminalistics, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia;
ORCID: 0009-0007-4817-6848; e-mail: buu_od@mail.ru

Научная статья

УДК 347

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-4-73-86

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ, НЕ ДОСТИГШИХ ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА, СОВЕРШИВШИХ ТЯЖКИЕ И ОСОБО ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Идрисов Р. М.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: solarsystem2023@mail.ru

Поступила в редакцию 20.09.2025

После доработки 14.10.2025

Принята к публикации 26.10.2025

Аннотация

Цель. Исследование преследует цель не только выявить основные пробелы в нормативно-правовой базе, но и предложить конкретные рекомендации для повышения эффективности уголовного преследования в данной сфере.

Процедуры и методы. В рамках работы применены методы нормативного анализа, сравнительно-правового подхода и системного исследования. Осуществлён анализ положений Конституции Российской Федерации, кодексов Российской Федерации, федеральных законов и международных норм, регулирующих ответственность малолетних и их законных представителей.

Результаты. В данной научной статье всесторонне исследована уголовная ответственность родителей, чьи несовершеннолетние дети, не достигшие 14-летнего возраста, совершили тяжкие и особо тяжкие преступления. Работа анализирует историческую эволюцию уголовного законодательства, современные тенденции в правовой практике, а также рассматривает социально-психологические аспекты влияния преступлений на семейную систему.

Теоретическая и/или практическая значимость. Особое внимание уделено проблемам правового регулирования и возможным путям совершенствования законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность, родители, законные представители, малолетние, несовершеннолетние, уголовная ответственность

Для цитирования:

Идрисов Р. М. Уголовная ответственность родителей детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления // Московский юридический журнал. 2025. № 4. С. 73–86. 2025. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-73-86>.

Original research article

CRIMINAL LIABILITY OF PARENTS WHOSE CHILDREN UNDER THE AGE OF FOURTEEN COMMITTED SERIOUS AND PARTICULARLY SERIOUS CRIMES

R. Idrisov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: solarsystem2023@mail.ru

Received by the editorial office 20.09.2025

Revised by the author 14.10.2025

Accepted for publication 26.10.2025

Abstract

Aim. The study aims not only to identify the main gaps in the regulatory framework, but also to offer specific recommendations for improving the effectiveness of criminal prosecution in this area.

Methodology. Within the framework of the work, the methods of normative analysis, comparative legal approach and system research are applied. The analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the codes of the Russian Federation, federal laws and international norms regulating the responsibility of minors and their legal representatives has been carried out.

Results. This scientific article comprehensively examines the criminal liability of parents whose minor children under the age of fourteen have committed serious and especially serious crimes. The work analyzes the historical evolution of criminal legislation, current trends in legal practice, and also examines the social psychological aspects of the impact of crimes on the family system.

Research implications. Special attention is paid to the problems of legal regulation and possible ways to improve legislation.

Keywords: administrative responsibility, parents, legal representatives, minors, criminal liability

For citation:

Idrisov, R. M. (2025). Criminal Liability of Parents Whose Children under the Age of Fourteen Committed Serious and Particularly Serious Crimes. In: *Moscow Juridical Journal*, 4, pp. 73–86. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-4-73-86>.

Введение

Невозможность эффективного противодействия преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, неизбежно приводит к смещению акцентов ответственности на их родителей. Рост числа тяжких правонарушений, совершённых подростками, обнажает пробелы в системе семейного надзора и раскрывает противоречия между воспитательной миссией семьи и уголовно-правовой практикой. В обществе складывается противоречивая коммуникация: с одной стороны, возрастная невменяемость детей до 14 лет освобождает их от уголовной вины, с другой — порождает ожидание, что у родителей возникнет обязанность компенсировать правовой вакуум. Осознание таких противоречий и необходимость их устранения делают исследование уголовной ответственности родителей актуальным инструментом общественного диалога и правоприменительной практики.

Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 38¹ провозглашает, что забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей.

В соответствии со ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации² родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права) (п.1); родительские права, предусмотренные настоящей главой, прекращаются по достижении детьми возраста 18 лет (совершеннолетия), а также при вступлении несовершеннолетних детей в брак и в других установленных законом случаях приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия (п. 2).

В соответствии со ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами (п. 1); родители обязаны обеспечить получение детьми общего образования (п. 2).

¹ Конституция Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.

² Семейный кодекс Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.

Декларацией прав ребёнка, принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.¹, закреплено, что ребёнок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности; малолетний ребёнок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью. На обществе и на органах публичной власти должна лежать обязанность осуществлять особую заботу о детях, не имеющих семьи, и о детях, не имеющих достаточных средств к существованию. Желательно, чтобы многодетным семьям предоставлялись государственные или иные пособия на содержание детей.

Согласно ст. 5 Конвенции о правах ребёнка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.², государства-участники уважают ответственность, права и обязанности родителей и в соответствующих случаях членов расширенной семьи или общины, как это предусмотрено местным обычаем, опекунов или других лиц, несущих по закону ответственность за ребёнка, должным образом управлять и руководить ребёнком в осуществлении им признанных настоящей Конвенцией прав и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребёнка.

Проблематика правового регулирования ответственности

Уголовной ответственности несовершеннолетних посвящён одноимённый раздел УК РФ, в котором гл. 14 (ст.ст. 87–96 УК РФ) содержит особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

Возникая в связи с совершением лицом, не достигшим 18-летнего возраста, преступного деяния уголовная ответственность несовершеннолетних является собой социально-правовые последствия, базирующиеся на закреплённой в уголовном законе обязанности несовершеннолетнего лица отвечать за содеянное.³

В соответствии со ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 87 УК РФ).

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации существуют следующие виды юридической ответственности родителей (законных представителей) несовершеннолетних: гражданско-правовая, уголовно-правовая, административно-правовая и др.

Юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализуемая в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае её нарушения — обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и её реализация⁵.

¹ Декларация прав ребёнка, принятая резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959 // СПС Гарант.

² Конвенция о правах ребёнка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 г. // СПС Гарант.

³ Рогова Е. В., Гайдай М. К. Теоретико-правовое понимание уголовной ответственности несовершеннолетних // Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. 2021. № 2. С. 70.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.

⁵ Бредихин А. Л., Федоринова Е. А. Юридическая ответственность. СПб.: СПбУ МВД России, 2024. 96 с.

Понятие «преступление» даётся в ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания.

Рост преступности несовершеннолетних во многом обусловлен влиянием на них взрослых лиц, и в этой связи их своевременное выявление, применение к ним наказания, предусмотренного законом, является важной профилактической мерой в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Необходимо отметить, что, оказывая негативное воздействие на психику несовершеннолетних, их нормальное физическое и психическое развитие, такие преступления, как правило, носят латентный характер и скрыты от социального контроля¹.

В настоящее время действует ст. 20 УК РФ, которая определяет, что уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста (ч. 1).

В ч. 2 данной статьи имеются исключения из этого правила. Лица, достигшие ко времени совершения преступления 14-летнего возраста, подлежат уголовной ответственности.

Следует отметить, что законодатель, определяя возраст наступления уголовной ответственности, предполагает, что все несовершеннолетние с 14 до 18 лет способны осознавать значение, общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Но несовершеннолетние, имеющие один и тот же паспортный возраст, зачастую имеют различное физическое и психическое развитие².

Состояние вменяемости обусловлено достижением физическим лицом определённых возрастных пределов, с которыми

связано достижение нравственного, физиологического и психического становления индивида как личности, способным отдавать отчёт всем своим действиям и поступкам. Минимальным возрастом, с которым связано состояние полной вменяемости, является возраст 14 лет, однако с привлечением данного возраста возможно привлечение к ответственности лишь за наиболее опасные преступные посяательства (ст. 20 УК РФ). Между тем замедление психического или физического развития (ретардация) также может служить основанием для повышения минимального возраста уголовной ответственности, т. е. увеличение сроков возрастной вменяемости³.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ в ст. 5.35 устанавливает следующие составы административных правонарушений родителей (законных представителей) несовершеннолетних, согласно ч. 1 которой неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере от 500 до 2000 рублей.

Кроме того, ст. 20.22 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусматривает ответственность за нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до 16 лет, либо потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции, либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в виде наложения административного штрафа на родителей или иных за-

¹ Кузнецова Н. А., Куприянов Е. И. Вопросы профилактики преступности несовершеннолетних (по материалам Ростовской области) // Право и практика. 2025. № 1. С. 122.

² Мухачева И. М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ «о возрастной незрелости» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 119.

³ Лазаренко О. Н., Тимофеев А. И. Психологические особенности тактических приёмов допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Закон и право. 2022. № 1. С. 179.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС Консультант Плюс.

конных представителей несовершеннолетних в размере от 1500 до 2000 рублей.

Судебная практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к ужесточению подхода. Уголовные дела, где родители обвиняются в злоупотреблении правами и небрежном отношении к детям, всё чаще рассматриваются совместно с делами об аналогичных преступлениях детей.

Это свидетельствует о том, что сейчас ответственность родителей выходит за рамки формального возмещения убытков: важным становится факт причастности материальных, образовательных и психологических условий в семье к нарушению правопорядка.

Современные изменения уголовного законодательства направлены на предупреждение детской преступности путём комплексного воздействия на семейный институт. Законодатели создают механизмы раннего обнаружения социального неблагополучия: межведомственные комиссии и органы опеки проводят рейды по семьям с «показателями риска». Работа таких комиссий подтверждает, что применение уголовного преследования в отношении родителей в ряде случаев считается последней мерой, к которой прибегают после исчерпания всех профилактических ресурсов. В результате развитие уголовного законодательства прошло путь от неформальных родовых санкций до выверенной системы норм, позволяющих реагировать на тяжкие преступления детей не только карательными, но и реабилитационными мерами, сохраняя баланс между защитой общества и правами несовершеннолетних.

Тенденция последних лет заключается в сочленении уголовных санкций с административными инструментами. Помимо штрафов и альтернативных наказаний, родительская небрежность может повлечь лишение права занимать определённые должности, запрет заниматься воспитательной деятельностью или контролировать досуг детей. Внедрены процедуры временного ограничения родительских прав в случае систематических нарушений, связанных с преступной деятельностью ребёнка.

Наравне с этим судами активнее применяется комплексная оценка условий проживания семьи, включающая проверку жилья, финансового положения, психологического климата, что создаёт более полную картину обстановки и служит обоснованием для назначения соответствующей меры.

Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ предусматривает помещение в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел несовершеннолетних правонарушителей.

Основаниями помещения несовершеннолетних в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел является решение суда – в отношении несовершеннолетних, указанных в пп. 2–6 п. 2 настоящей статьи (п. 3 ст. 22 Федерального закона № 120-ФЗ).

Также ст. 15 Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусмотрено содержание несовершеннолетних правонарушителей в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого (несовершеннолетних в возрасте от 8 до 18 лет) и закрытого (несовершеннолетних в возрасте от 11 до 18 лет) типа.

Основаниями содержания несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа являются решение и приговор суда.

Категории несовершеннолетних, направляемых в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, реализующие адаптированные основные образовательные программы, определяются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти (п. 6 ст. 15 Федерального закона № 120-ФЗ).

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС Консультант Плюс.

Несовершеннолетний может быть направлен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа до достижения им возраста 18 лет, но не более чем на 3 года.

Согласно ч. 2 ст. 27 Конвенции ООН «О правах ребёнка» от 20.11.1989 г.¹ родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребёнка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребёнка.

Максимальное наказание в соответствии со ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 5 лет или без такового.

Состав преступления включает жестокое обращение с ребёнком².

Гражданско-правовая ответственность законных представителей, в т. ч. родителей, малолетних предусмотрена ст. 1073 ГК РФ³.

За вред, причинённый несовершеннолетним, не достигшим 14 лет (малолет-

ним), отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине (п. 1).

Если малолетний гражданин, оставшийся без попечения родителей, был помещён под надзор в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 155.1 Семейного кодекса РФ), эта организация обязана возместить вред, причинённый малолетним гражданином, если не докажет, что вред возник не по её вине (п. 2).

Если малолетний гражданин причинил вред во время, когда он временно находился под надзором образовательной организации, медицинской организации или иной организации, обязанных осуществлять за ним надзор, либо лица, осуществлявшего надзор над ним на основании договора, эта организация либо это лицо отвечает за причинённый вред, если не докажет, что вред возник не по их вине при осуществлении надзора (п. 3).

Обязанность родителей (усыновителей), опекунов, образовательных, медицинских организаций или иных организаций по возмещению вреда, причинённого малолетним, не прекращается с достижением малолетним совершеннолетия или получением им имущества, достаточного для возмещения вреда.

Если родители (усыновители), опекуны либо другие граждане, указанные в п. 3 настоящей статьи, умерли или не имеют достаточных средств для возмещения вреда, причинённого жизни или здоровью потерпевшего, а сам причинитель вреда, ставший полностью дееспособным, обладает такими средствами, суд с учётом имущественного положения потерпевшего и причинителя вреда, а также других обстоятельств вправе принять решение о возмещении вреда полностью или частично за счёт самого причинителя вреда (п. 4).

Новейшие реформы подчёркивают необходимость взаимодействия органов МВД, системы образования и социальных служб. Вместо чисто карательного подхода появилось представление о комплексной профилактике. В ряде регионов проводят

¹ Конвенция Организации Объединённых Наций «О правах ребёнка» от 20.11.1989 г. // СПС Консультант Плюс.

² Басханов А. М. Актуальные проблемы административной и уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Евразийская адвокатура. 2025. № 2. С. 141.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.

ся курсы для родителей: по основам целенаправленного контроля, распознаванию склонности к агрессии или аддиктивному поведению у подростков. Эффективным инструментом стали межведомственные комиссии, объединяющие представителей полиции, прокуратуры, психологов и педагогов, которые выезжают к семьям при первых признаках кризиса. В результате обязательное участие родителей в таких программах стало учитываться при вынесении решения о мере наказания: суды всё чаще отдают предпочтение условным срокам с назначением сопровождения специалистов.

Анализ решений высших судов показывает, что ключевой акцент сместился от сухого констатирования родительской вины к оценке её степени и мотивов. В практике встречаются примеры, когда суд снижает меру ответственности законного представителя, если тот добровольно оказал ребёнку психологическую помощь, принял участие в программах ресоциализации и наладил контроль над его кругом общения. Наоборот, отказ от сотрудничества с органами профилактики, уклонение от участия в реабилитационных мероприятиях усугубляет положение родителя при учёте смягчающих и отягчающих обстоятельств. Это означает, что судебная система всё плотнее связывает механизм привлечения под ответственность с готовностью взрослых к активным действиям по исправлению ситуации.

Перспективы совершенствования законодательства

Ответственность родителей за надлежащее воспитание детей является явно недостаточной.

Последние данные МВД России демонстрируют устойчивый рост числа преступлений, в которых в качестве подозреваемых фигурируют несовершеннолетние до 14 лет. Только за последние 5 лет количество случаев посягательств на жизнь и здоровье выросло более чем на четверть. Особенно тревожны показатели относи-

тельно преступлений с применением насилия: доля таких правонарушений превышает 40% от общего числа дел, возбуждённых против детей младшего подросткового возраста. Параллельно региональные органы опеки фиксируют увеличение числа семей, в которых родители уклоняются от воспитательной функции или недостаточно контролируют досуг и общение ребёнка. Анализ статистики выявляет прямую корреляцию между уровнем семейной дисфункции и тяжестью совершаемых малолетними преступлений, что подтверждает необходимость разработки механизма уголовно-правового реагирования на бездействие или небрежность родителей.

По сведениям Следственного комитета РФ число подростков, совершивших преступление ещё до достижения ими возраста уголовной ответственности, в 2021 г. приблизилось к 4,5 тысячам¹.

Между тем социологические исследования показывают, что большинство таких правонарушений происходит в семьях, где родители отсутствуют физически либо психологически дистанцированы от ребёнка. Разрыв между ожидаемой социальной нормой ответственного родительства и фактической реалией порождает потребность в разработке комплексного механизма правового реагирования, сочетающего элементы предупреждения, педагогического воздействия и при необходимости уголовного преследования.

Максимальная ответственность нерадивых родителей (законных представителей) малолетних, совершивших преступления, за ненадлежащее их воспитание и надзор за ними предусмотрен ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере от 500 до 2000 рублей.

Данная мера ответственности не побуждает родителей (законных представителей), тем более ведущих асоциальный образ жизни, малолетних детей к изменению

¹ Интервью замглавы СК РФ Елены Леоненко: цифровую гигиену нужно прививать с детства от 01.06.2022 г. sledcom.ru

к лучшему мер воспитательного воздействия на них и усилению надзора за ними.

Борьба с преступностью представляет собой совокупность мер, включающих организационные вопросы, информационно-аналитическое и иное обеспечение; собственно правоохранительную деятельность, заключающуюся в раскрытии преступлений, выявлении и наказании виновных, восстановлении законных интересов и нарушенных прав потерпевших¹.

Необходимо понимать, что деятельность правоохранительной системы по борьбе с преступностью несовершеннолетних и её предупреждению не охватывает и не может охватить весь комплекс мероприятий, возложенных на всех субъектов профилактики в данной сфере².

Имеется необходимость введения в УК РФ положений, предусматривающих уголовную ответственность родителей за ненадлежащее воспитание детей в случае совершения несовершеннолетними до достижения 14 лет тяжких и особо тяжких преступлений.

Без обоснованной концепции применения уголовного преследования к родителям несовершеннолетних преступников невозможно разработать алгоритм действий правоохранительных органов и судов. Необходимо установить чёткие критерии оценки родительского поведения, определить границы допустимого вмешательства государства в семейные отношения и сформулировать гарантии защиты интересов ребёнка, чтобы предотвратить чрезмерно жёсткие или, наоборот, слишком мягкие практические решения. Только системный анализ статистики, зарубежного опыта и отечественной судебной практики позволит выработать рекомендации по изменению законодательства и повысить эффективность профилактических мер.

¹ Зайко Т. М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодёжи: правовой и психолого-криминологический аспекты. Тамбов, 2017. 85 с.

² Ветошкин С. А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 242 с.

Введение ясных стандартов ответственности родителей создаст рамки для межведомственного взаимодействия: органы опеки и попечительства, полиция и образовательные учреждения смогут сообща работать над выявлением семейного неблагополучия на ранних стадиях. Это позволит не только снизить число тяжких преступлений, совершаемых детьми до 14 лет, но и повысить качество мер поддержки семей, оказавшихся в кризисной ситуации. Своевременная реакция на проявления подростковой агрессии или асоциального поведения с вытекающими правовыми последствиями открывает путь к разработке программ коррекции и профилактики, направленных как на ребёнка, так и на родителей.

Актуализация уголовной ответственности взрослых за преступления своих малолетних детей имеет потенциал стимулировать законодательную инициативу, направленную на комплексное решение проблемы. Возможным направлением реформы может стать введение дифференцированных санкций в зависимости от характера родительского проступка – от предупреждения и обязательных мер воспитательного характера до штрафных санкций и общественных работ. Параллельно важным элементом станет создание механизмов альтернативного разрешения конфликтов, предусматривающих участие психолого-педагогических служб и медиацию между семьёй и правоохранительными органами. Такое сочетание превентивных и карательных мер позволит обеспечить баланс между защитой прав ребёнка, интересами государства и необходимостью поддержания ответственности родителей за воспитание и надзор.

Немаловажную роль при формировании уголовной ответственности и её понимании играет психологический компонент личности. Зачастую он выступает выше иных компонентов. Социально-психологическое развитие может стать предопределяющим в установлении уголовной ответственности. То, в какой среде находится подросток, может дать пол-

ную картину его поступков и поведения. Ребёнок может находиться под влиянием взрослых, может проживать в условиях, которые и формируют формы девиантного поведения, повлекшие совершение преступления¹.

Под личностью преступника принято понимать совокупность социально-биологических, нравственно-психологических и уголовно-правовых характеристик лица, совершившего преступление, в котором отразилось его асоциальное поведение.²

Нельзя не отметить проблемы с доказательством прямой причинно-следственной связи между действиями (или бездействием) родителей и преступлением ребёнка. Для привлечения к ответственности требуется не просто факт халатного поведения, но и доказательство того, что именно оно предопределило совершение тяжкого или особо тяжкого деяния. На практике построить логическую цепочку «от родительского контроля – к психологическому состоянию подростка – к преступному акту» крайне сложно.

Семья является первичным агентом социализации индивида. Именно сфера семейной жизни в первую очередь обеспечивает трансляцию ценностей подрастающему поколению. Неудовлетворительные условия воспитания в семье детерминируют правонарушающее поведение несовершеннолетних.

Одним из аспектов криминогенной семьи является утрата связи между родителями и детьми. Это проявляется в отсутствии доверия в семье, родители перестают пользоваться авторитетом в глазах своих детей, которые фактически становятся неуправляемыми. Происходит утрата связи по причине недостатка общения родителей с детьми. Взаимопонимание, взаимоуважение и наличие общих интересов – это те составляющие, без которых невозможно

создание благоприятной психологической атмосферы. Членам семьи необходимо постоянно подстраиваться друг под друга, и этот процесс не должен носить односторонний характер. Безусловно, возможно возникновение кризисных периодов. Сложнейшая творческая педагогическая задача родителей в данном случае – прогнозирование этих кризисов и их преодоление³.

Социальные взаимоотношения субъектов, которые регулируются уголовным правом, имеют особую значимость. Осознание этого значения приходит в раннем возрасте, когда осуществляется формирование представлений, мышления, ценностей. Ещё в детском возрасте определяется содержание добра и зла⁴.

С точки зрения государственного заказа, основной уклон системы профилактики направлен на работу с самим ребёнком: подростковые клубы, реабилитационные центры, секции и кружки. Между тем не выработан стандарт взаимодействия специализированных учреждений с родителями в ситуациях, когда подросток показывает признаки агрессивности или совершает первые проступки. Защищая свою компетенцию, службы опеки редко выходят на уровень инструктажа семьи по снижению рисков криминального поведения.

Устраняя разрыв между формулировками и практикой, следует ввести более конкретные описания обязанностей родителей, например – обязательные отчёты о посещении образовательных учреждений, уведомления о смене проживания ребёнка или о необоснованных пропусках занятий. Необходимо усилить координацию между ведомствами посредством единой информационной системы, куда стекались

¹ Горшенин А. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 117 с.

² Личность преступника и профилактика преступлений: монография / под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Проспект, 2022. С. 6–14.

³ Колесников Р. В. Факторы, детерминирующие групповые преступления несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 205.

⁴ Карпова И. И., Чалкова Г. В. Формирование представлений старших дошкольников о добре и зле как условие социальной адаптации // Адаптация учащихся всех ступеней образования в условиях современного образовательного процесса / под ред. В. Н. Крылова. Арзамас, 2014. С. 254–258.

бы итоги школьных комиссий, социально-психологических обследований и материалов полиции.

При этом стоит предусмотреть механизм быстрой экспертизы семейной обстановки с участием сертифицированных психологов и социологов, чьи заключения будут официально приниматься в качестве доказательств. Создать единые методические рекомендации для судей и следователей, которые ясно разграничат административную ответственность и уголовную с учётом тяжести деяния подростка. Только при ясном распределении ролей, чётком документировании и стандартизации процедур возможна реализация правосудия без произвола и чрезмерных рисков для законопослушных родителей.

Семейный климат начинает видоизменяться с момента предъявления обвинений несовершеннолетнему в тяжком преступлении. Родители неизбежно оказываются в центре эмоционального шторма, и привычная иерархия внутри семьи нарушается: родители перестают быть главными опекунами и защитниками, превращаясь в фигуры, к которым не только дети, но и окружающие предъявляют повышенные требования.

Внешнее давление со стороны знакомых и соседей порождает чувство вины и ответственности за деяния ребёнка, часто основанное на ошибочных представлениях о семейном воспитании. Это становится своего рода суррогатной проверкой качества их родительских навыков и превращается в дополнительный раздражитель, усугубляющий внутрисемейный конфликт.

Нередко родители, стремясь сохранить психологическую стабильность оставшихся детей, начинают усердно маскировать собственные переживания. Однако подавление эмоций ведёт к возникновению хронического стресса, который проявляется в виде раздражительности, смены настроения и утраты чувства меры в общении. Как результат, подростки в доме, даже если они не причастны к преступлению, ощущают атмосферу недоверия и отчуждённости. Роль отца или матери начинает

смещаться: от привычного авторитета – к фигуре, находящейся под подозрением или самоподавлением. Системная терапия, применённая в ряде пилотных проектов реабилитации семей обвиняемых несовершеннолетних, показывает, что именно восстановление роли взрослого как эмоциональной опоры помогает снизить накал конфликтов и вернуть баланс в коммуникации.

Общественное мнение нередко выстраивает в воображении постороннего наблюдателя определённый стереотип «семьи правонарушителя». От социальных сетей до подъездных разговоров – везде появляются суждения о некомпетентности или жестокости родителей. Родители, вынужденные защищаться от бытовой агрессии, часто ограничивают свои контакты с соседями и друзьями, что ведёт к социальной изоляции. Это явление усугубляет нехватку эмоциональной поддержки и лишает семью ресурсов для совместного преодоления кризиса.

Под давлением обстоятельств стиль общения внутри семьи становится отрешённым и формальным. Родители начинают дозированно подавать информацию детям и друг другу, опасаясь утечки и возможности дальнейшего осуждения. Из прямых диалогов формируются скрытые сигналы: жесты, намёки, невысказанные требования. Между супругами могут возникать недомолвки, порождающие ложное впечатление об отсутствии поддержки. По данным психологов, такие скрытые коммуникации усиливают тревожность, провоцируют агрессивные всплески и повышают риск конфронтации. Возникает замкнутый круг: каждый участник семьи видит в другом не союзника, а потенциального источник новой боли.

Психологическое и юридическое сопровождение семьи позволяет снять часть стресса, направив энергию родителей на конструктивные действия: освоение техник правильного общения с ребёнком, получение разъяснений по процедуре следствия и суда, взаимодействие с общественными организациями, специализиру-

ющимися на правах несовершеннолетних. Психосоциальная помощь помогает родителям увидеть в ребёнке отдельную личность, отличную от совершённого деяния, и сохранить тепло и заботу, не допуская автоматической передачи обвинительного дискурса на все семейные отношения.

Использование современного подхода заключается в определении способности ребёнка перенести связанные с ответственностью моральные и психические аспекты, т. е. в определении возможности привлечения ребёнка, в силу индивидуальных особенностей его воспитания и понимания, к ответственности за антиобщественное поведение¹.

Часто далеко не только ближайшие родственники, но и дальние получили повод для вмешательства: бабушки, дедушки, тёти и дяди выдвигают собственные суждения о причинах произошедшего. Мнения сторон часто расходятся: одни склоняются к идее строгого наказания, другие просят проявить снисхождение. Эти противоречия отражаются на общей атмосфере: семейный совет, призванный консолидировать позиции, превращается в арену споров, где каждая сторона стремится доказать правоту именно своей реакцией. В результате семья распадается на группы поддержки и противников, что дополнительно затрудняет принятие единых решений и ведёт к дезорганизации привычного уклада.

Для того чтобы удержать семейную систему в рабочем состоянии, специалисты рекомендуют установить чёткие границы коммуникации и роли внутри группы. Важно определить зоны ответственности каждого члена семьи, чтобы избежать ситуации, когда одни родители берут на себя все проблемы, а другие отступают или, наоборот, чрезмерно вмешиваются. Разработка семейного договора с фиксированными днями общения, распределением домашних обязанностей и планом

совместных мероприятий способствует снижению уровня тревожности и восстановлению доверия. В период следствия и суда такой документ служит своеобразной «страховкой» от хаоса и нормализует режим дня, что особенно важно для оставшихся дома детей.

Нарушение семейной динамики зачастую приводит к долгосрочным последствиям: без коррекции стереотипного восприятия родителями роли «виновника» уровень взаимопонимания остаётся низким даже после завершения судебных процедур. Семьи, избежавшие профессиональной поддержки, рискуют оказаться в ситуации, когда повторные конфликты перерастают в юридические споры, например, из-за раздела имущества или опеки над другим ребёнком. В то же время успешные кейсы взаимодействия с социальными службами демонстрируют, что чётко организованная система помощи и своевременная работа с психосоматическими проявлениями стресса позволяют сохранить целостность семьи и минимизировать негативные последствия, связанные с социальной стигмой и внутренними противоречиями.

Заключение

Анализ действующего правового поля выявил фрагментарность норм, посвящённых ответственности родителей за преступления, совершённые их детьми младше 14 лет. В нормативных актах отсутствуют единые критерии оценки степени вины и упущенной родительской опеки, что создаёт правовые коллизии при принятии судебных решений.

Отдельные статьи Уголовного кодекса и Семейного законодательства носят декларативный характер, не обеспечивая жёстких механизмов контроля. При этом практика показывает нестабильность судебных подходов: в одних случаях несовершеннолетних «списывают» на обстоятельства раннего возраста, игнорируя систематические проявления агрессии, в других – родители привлекаются к ответственности

¹ Ермакова А. А., Кузьменко Э. Ю. Несовершеннолетний как уголовно-правовая категория // Актуальные вопросы теории государства и права. 2020. № 14. С. 228.

лишь тогда, когда ущерб становится необратимым.

Социальные аспекты взаимодействия семьи и государства оказывают критическое влияние на вероятность совершения тяжких деяний несовершеннолетними. Исследование показало, что дети, выросшие в неблагополучных семьях, где отсутствует эмоциональная поддержка, чаще демонстрируют агрессивное поведение и склонность к противоправным действиям.

Недостаточный охват социальных программ, низкий уровень информированности о психологической помощи и культурных ориентирах усугубляет ситуацию. В то же время примеры работы муниципальных центров социальной поддержки в отдельных городах свидетельствуют о положительном эффекте раннего вмешательства: регулярные групповые тренинги, направленные на развитие навыков саморегуляции и разрешения конфликтов внутри семьи, резко снижают количество рецидивистских попыток несовершеннолетних.

Психологические исследования дополняют представление о механизмах, через которые родители могут влиять на формирование личности ребёнка. Комплексное изучение семейных коммуникаций показало, что авторитарный стиль воспитания без разъяснения причин запретов и санкций создаёт у подростков дефицит доверия к взрослым.

Отсутствие эмоциональной поддержки приводит к переносу недовольства на окружающих и, как следствие, спонтанным актам агрессии. Напротив, семьи, где родители регулярно обращаются к психологам и проходят тренинги по поддерживающему воспитанию, демонстрируют значительное повышение уровня эмпатии у детей и снижение агрессивных паттернов.

Эти данные подчёркивают, что ответственность родителей не должна сводиться лишь к юридическому осуждению, но предусматривать комплекс мер психологической адаптации и образовательной работы.

Выводы исследования свидетельствуют о трёх ключевых моментах. Первое: существующие законодательные нормы нуждаются в детализации передаваемых полномочий контролирующим органам и методик оценки родительского участия в профилактике правонарушений.

Второе: эффективность мер, направленных на совершенствование системы поддержки семей, напрямую зависит от межведомственного взаимодействия – правоприменительной практики, социальных служб и психологических центров.

Третье: комплексный подход, объединяющий правовые и психологические инструменты, доказал свою состоятельность при реализации проектов раннего вмешательства и программ медиации конфликтов.

На основании полученных данных предлагается несколько практических шагов по совершенствованию правового регулирования. Необходимо ввести в Уголовный кодекс специализированные статьи, предусматривающие градацию ответственности родителей с учётом их реального участия в жизни ребёнка: от полного игнорирования воспитательных обязанностей до активного поиска помощи у специалистов.

Целесообразно разработать единый протокол оценки опасности поведения несовершеннолетних, где учитывались бы и объективные факторы (частота конфликтов, наличие криминального окружения), и субъективные (уровень доверия в семье, психологическая устойчивость родителей и подростка).

Внедрение такой методики позволит судьям и дознавателям более обоснованно принимать решения, смягчая или ужесточая меры воздействия в зависимости от конкретной ситуации.

Следующий этап – расширение сети мобильных бригад психологов и социальных педагогов, работающих на территории детско-юношеских учреждений и в неблагополучных микрорайонах. Опыт пилотных проектов показал, что визиты специалистов в семью ещё до возникновения серьёзных конфликтов способствуют по-

вышению родительской ответственности и снижению уровня стресса у детей.

Рекомендуется интегрировать эти бригады в общую систему профилактики преступности, закрепив нормативно-правовой статус межведомственных групп, чтобы они имели право участвовать в заседаниях местных профилактических комиссий и вносить предложения по работе с конкретными семьями.

Не менее важным представляется усиление образовательных программ для родителей. Регулярные курсы и онлайн-модули по вопросам детской психологии, конфликтологии и правовой грамотности должны стать обязательной частью программы подготовки молодых семей, а также предусматривать периодические «поддерживающие семинары» для семей в группе риска.

Наконец, рекомендуется создать единый информационный портал, объединяющий нормативно-правовые документы, методические рекомендации, а также контактные данные организаций, оказывающих помощь семьям и подросткам. Это позволит родителям оперативно искать

нужные ресурсы и консультироваться у профильных специалистов.

Внедрение портальных решений укрепит взаимодействие между семьями, органами опеки, правоохранительными структурами и социальными службами, делая систему профилактики преступлений несовершеннолетних более прозрачной и доступной.

Приведённые предложения нацелены на формирование прочной основы для сбалансированной ответственности родителей, сочетая юридические механизмы с психологической поддержкой и социальным сопровождением. Такой подход позволит не только более справедливо оценивать степень вины и упущений, но и превентивно уменьшать число тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых детьми до 14 лет.

Кроме того, имеется необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, касающихся введения уголовной ответственности родителей за ненадлежащее воспитание своих малолетних детей при совершении ими тяжких и особо тяжких преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рогова Е. В., Гайдай М. К. Теоретико-правовое понимание уголовной ответственность несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2. С. 65–74. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-65-74
2. Кузнецова Н. А., Куприянов Е. И. Вопросы профилактики преступности несовершеннолетних (по материалам Ростовской области) // Право и практика. 2025. № 1. С. 121–126.
3. Мухачева И. М. Применение положений ч. 3 ст. 20 УК РФ «о возрастной незрелости» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 118–125.
4. Лазаренко О. Н., Тимофеев А. И. Психологические особенности тактических приёмов допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Закон и право. 2022. № 1. С. 177–181. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-1-177-181
5. Басханов А. М. Актуальные проблемы административной и уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Евразийская адвокатура. 2025. № 2. С. 139–141.
6. Зайко Т. М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодёжи: правовой и психолого-криминологический аспекты. Тамбов, 2017. 85 с.
7. Личность преступника и профилактика преступлений / под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Проспект, 2022. 224 с.
8. Колесников Р. В. Факторы, детерминирующие групповые преступления несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 201–208.
9. Карпова И. И., Чалкова Г. В. Формирование представлений старших дошкольников о добре и зле как условие социальной адаптации // Адаптация учащихся всех ступеней образования в условиях современного образовательного процесса / под ред. В. Н. Крылова. Арзамас, 2014. С. 254–258
10. Ермакова А. А., Кузьменко Э. Ю. Несовершеннолетний как уголовно-правовая категория // Актуальные вопросы теории государства и права. 2020. № 14. С. 225–231.

REFERENCES

1. Rogova, E. V. & Gaidai, M. K. (2021). Theoretical and Legal Understanding of Criminal Liability of Minors. In: *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2, 65–74. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-65-74 (in Russ.).
2. Kuznetsova, N. A. & Kupriyanov, E. I. (2025). Issues of Juvenile Crime Prevention (Based on Materials from the Rostov Region). In: *The Law and Practice*, 1, 121–126 (in Russ.).
3. Mukhacheva, I. M. (2018). Application of the Provisions of Art. 20 Pt. 3 of the Criminal Code of the Russian Federation “On Age Immaturity.” In: *Actual Problems of Russian Law*, 6, 118–125 (in Russ.).
4. Lazarenko, O. N. & Timofeev, A. I. (2022). Psychological Features of Tactical Techniques for Interrogating Juvenile Suspects Accused. In: *Law and Legislation*, 1, 177–181. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-1-177-181 (in Russ.).
5. Baskhanov, A. M. (2025). Actual Problems of Administrative and Criminal Liability for Failure to Fulfill the Duties of Raising a Minor. In: *Eurasian Advocacy*, 2, 139–141 (in Russ.).
6. Zaiko, T. M. (2017). *Measures to Combat Juvenile and Youth Crime: Legal and Psychological-Criminological Aspects*. Tambov (in Russ.).
7. Antonyan, Yu. M., ed. (2022). *The Identity of the Offender and Crime Prevention*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
8. Kolesnikov, R. V. (2021). Factors Determining Group Crimes of Minors. In: *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 4, 201–208 (in Russ.).
9. Karpova, I. I. & Chalkova, G. V. (2014). Idea Formation of Senior Preschoolers about Good and Evil as a Condition for Social Adaptation. In: *Adaptation of Students at All Levels of Education in the Context of the Modern Educational Process*. Arzamas, pp. 254–258 (in Russ.).
10. Ermakova, A. A. & Kuzmenko, E. Yu. (2020). Minor as a Criminal Law Category. In: *Current Issues of the State and Law*, 14, 225–231 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Идрисов Руслан Марселевич (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: solarsystem2023@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan M. Idrisov (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;
e-mail: solarsystem2023@mail.ru

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2025. № 4

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Кулакова
Корректор В. М. Пастернак
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 5,5, уч.-изд. л. 6,75.
Подписано в печать: 26.12.2025 г. Дата выхода в свет: 30.12.2025 г. Заказ № 2025/12-42.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А